

Исидор Севильский

Этимологии

Книга I: О грамматике

Исидор, архиепископ Севильский (ок. 560, Новый Карфаген/Картахена – 4 апреля 636, Гиспалис/Севиля), принадлежал к старинному испано-римскому роду, связавшему свои судьбы с новыми властителями Испании — вестготами. Переселение семьи из Картахены в Севилю связано, вероятно, с недолговечным ви-

© А.В. Гараджа (Москва). agaradja@yandex.ru. Платоновский исследовательский научный центр, Российский государственный гуманитарный университет.
Иллюстрация: Исидор Севильский. Фрагмент рукописи из Корби, ок. 800 (Bibliothèque nationale de France. Latin 13396. fol. 1v).

зантийским отвоеванием части Бетики у Толедского королевства, а последний и главный труд Исидора, *Этимологии* или *Начала* (назывался и так, и так ещё при его жизни), предназначался для вестготского короля Сисебута (612–620/621).

Работу над *Этимологиями* Исидор закончил ок. 630, но немалый вклад (дополнения и редактурa) в окончательный облик этого энциклопедического труда внесён его учеником и другом епископом Сарагосским Браулионом (590–651). Перу Исидора принадлежат и другие работы, так или иначе перекликающиеся с *Этимологиями*: *De ordine creaturarum* (*О порядке вещей*), *Differentiae* (*Различения*), *De ortu et obitu patrum* (*О рождении и смерти отцов*), *Historia de regibus Gothorum, Vandalorum et Sueborum* (*История о царях готов, вандалов и свевов*), *Chronica maiora* (*Всемирная хроника*), а также ряд экзегетических и дидактических произведений.

Этимологии уходят корнями в античные энциклопедии (прежде всего, Плиния Старшего) и труды позднеантичных грамматиков и лексикографов (Сервия, Доната и др.), как, конечно, и работы корифеев патристики Августина и Иеронима, но это не простая компиляция, а действительно энциклопедия нового типа, которая удивительно приходится ко двору в наше новое средневековье — век рефератов, репортажей, «репостов». По сути, текст Исидора весь сплетён из цитат, только они далеко не всегда точны, да и состыкованы с неожиданными зазорами и вкраплениями, образуя скорее некую россыпь, чем плетение. С этим связан и особый языковой стиль — рассыпчатая вязь учёной варварской латыни. Труд Исидора показывает, как стремительно может при определённых обстоятельствах до основания разрушиться высокая культура и какие причудливые всходы пробиваются на её руинах.

Уже ок. 650 г. отмечено знакомство с текстом *Этимологий* за пределами Испании, а именно в Ирландии. Отсюда этот бестселлер средневековья (по количеству сохранившихся списков и компиляций, сделанных на его основе) распространяется по всей Европе, и интерес к нему не затихает вплоть до XV–XVI вв. — когда приходит официальное признание: в 1598 г. Исидор канонизирован римско-католической церковью. Уже в наши дни вносится уточнение: в самом конце XX в. папа Иоанн Павел II предложил признать Исидора святым покровителем Интернета.

До сих пор, как ни удивительно, нет и полного научного издания текста *Этимологий*. Впервые же в книжном виде труд Исидора был выпущен в 1472 г. аугс-

бургским первопечатником Гюнтером Цайнером. Учёное editio princeps творений Исидора, осуществлённое Хуаном де Гриалем, вышло в Мадриде в 1599 г. С опорой на него издал семь томов *orega omnia* иезуит Фаустино Аревало (Рим, 1797–1803; *Этимологии* занимают тома 3–4). Это издание воспроизведено в томах 81–84 *Patrologia Latina* Миня (*Этимологии* в томе 82: 73–728). До сих пор сохраняют актуальность комментарии Гриалья и Аревало. Наконец, первым критическим изданием *Этимологий* мы обязаны У.М. Линдсею (Оксфорд, 1911) — по нему и выполнен настоящий перевод.

Стихотворные цитаты в тексте Исидора приводятся на языке оригинала и в стихотворном же русском переводе. Оригинальный текст нормализован в соответствии с современными изданиями, включёнными в корпус PHI5 (1991), как и новейшими (напр., «Энеида» цитируется по Conte 2009), а также орфографически (касается использования *u* и *v*); наиболее серьёзные отклонения цитат по Исидору от *textus receptus* того или автора отмечены в примечаниях. Для большинства цитат задействованы существующие русские переводы: Ф.А. Петровского — Лукреций, Ювенал и Персий; С.А. Ошерова — Энний, *Энеида* Вергилия (под ред. Ф.А. Петровского); А.А. Фета — *Энеида* (под ред. Д.И. Нагуевско-го); С.В. Шервинского — *Буколики* и *Георгики* Вергилия, *Метаморфозы* Овидия; Л.Е. Остроумова — *Фарсалия* Лукана (под ред. Ф.А. Петровского); переводчики прочих авторов указаны в сносках. При необходимости использованные переводы подвергались изменениям, что также в каждом случае отмечено.

В круглых скобках в тексте перевода даются для уточнения исходные латинские формы, а также ссылки. В квадратные скобки заключены переводы терминов, иногда с уточнениями; кроме того, в квадратные скобки забран восполняемый текст — восполняемый как издателем по какой-либо группе рукописей *Этимологий*, так и переводчиком (для уточнения перевода либо смысла цитаты). Курсив используется для Исидоровых примеров, в 'одиночных кавычках' даёт-ся перевод терминов. Разбивка на абзацы позаимствована из Barney & al. 2006.

Настоящий перевод — дополненный и переработанный текст ранее опубликованной сокращённой версии (Гараджа 2004). Примечания ограничены лишь самыми необходимыми пояснениями: полный и подробный комментарий с указанием всех источников Исидора и объяснением всех искажений при их передаче в несколько раз перекрыл бы объём собственно перевода.

I. О НАУКЕ И ИСКУССТВЕ. [1] Наука (*disciplina*) получает имя от научения (*a discendo*), потому может зваться и знанием (*scientia*)¹. Ведь знание (*scire*) идёт от научения (*discere*), ибо только тот из нас знает, кто научился. По-другому наука — от полноты научения (*discitur plena*). [2] Искусством (*ars*) же зовётся то, что составлено жёсткими (*artis*) предписаниями и правилами. По другим, слово это выводится греками ἀρὸ τῆς ἀρετῆς, то есть от ‘доблести’, каковой они именовали знание². [3] Различие между искусством и наукой Платон и Аристотель полагали следующее: по их словам, искусство — в вещах, которые могут обстоять и иначе, наука же предметом своим имеет то, что не может оказаться иначе. А именно, когда нечто исследуется истинными рассуждениями (*disputationibus*), это наука; когда же рассматривается нечто лишь на истину похожее и от мнения зависящее, это будет называться искусством³.

II. О СЕМИ СВОБОДНЫХ НАУКАХ. [1] Наук, образующих свободные искусства, всего семь. Первая грамматика, то есть искусство (*peritia*) речи. Вторая риторика, каковая за блеск и богатство красноречия своего почитается необходимейшей в гражданских делах. Третья диалектика, прозванная логикой, которая тончайшими доказательствами отделяет истинное от ложного. [2] Четвертая арифметика, обнимающая причины и разделения чисел. Пятая музыка, занятая песнями и песнопениями. [3] Шестая геометрия, охватывающая меры и измерения земли. Седьмая астрономия, объемлющая закон звёзд.

III. ОБ ОБЫЧНЫХ БУКВАХ. [1] Начала искусства грамматики составляют обычные буквы (*litterae*), дело писцов и счетоводов. Их наука — это как бы детство искусства грамматики; потому Варрон и называет её грамотейством (*litteratio*)⁴. Буквы же суть указатели

¹ Ср. August. Soliloq. 2.11.20: *Disciplina enim a discendo dicta est, etc.*

² Ср. у Доната (Ter. Andr. 30: *ars ἀρὸ τῆς ἀρετῆς dicta est per συκολλην*) и многих других латинских грамматиков, начиная с Варрона (fr. 233 Funaioli).

³ Имеется в виду различие между ἐπιστήμη и τέχνη по их предмету — соответственно, неизменному и изменчивому, ср. Arist. EN 1139a5–15.

⁴ Var. fr. 235 Funaioli, ср. August. De ord. 2.12.35.

вещей, знаки слов, чья сила такова, что сказанное отсутствующими доносится до нас без звучания голоса. [Слова тут проникают через глаза, не через уши.]⁵ [2] Использование букв придумано ради памяти о вещах: дабы не ускользали в забвение, их связывают буквами. При столь великом разнообразии вещей нет возможности ни изучить их все на слух, ни удержать в памяти. [3] Название же букв, *litterae*, — это как бы *legiterae*, оттого что они торят путь (*iter*) читающим, либо потому что при чтении повторяются (*iterentur*). [4] Буквы латинские и греческие явно происходят от еврейских. Ведь среди еврейских первым идет Алеф, отсюда и у греков, по схожему произношению, первой считается Альфа, а засим и А у латинян. Переводчик же создал букву из похожего звука другого языка⁶, откуда можем уяснить, что язык еврейский есть мать всех языков и всех букв. Однако евреи используют двадцать два буквенных элемента, по числу книг Ветхого завета, греки же — двадцать четыре. Латиняне стоят посередке между обоими языками, имея двадцать три элемента. [5] Еврейским буквам начало положено Моисеем в Законе; сирийским и халдейским — Авраамом. Оттого и сообразуются с еврейскими и числом, и звучанием, только начертания рознятся. Египетские буквы изобрела и передала египтянам царица Исида, дочь Инаха, прибывшая из Греции. У египтян, однако, жрецы пользуются одними буквами, а простой народ — другими; жреческие — это *ἱεράς, πανδήμους* — простонародные. Употребление греческих букв первыми придумали финикийцы; вот и у Лукана (3.220–221):

Phoenices primi, famaе si creditur, ausi
mansuram rudibus vocem signare figuris.

Если молве доверять, финикийцы впервые дерзнули
Звуки людских голосов закреплять в новосозданных знаках.

⁵ Выражение *signa verborum*, возможно, отсылает к Иерониму, который не раз обращает внимание на нестыковки речи и записи — ср., напр., Ep. 118 (34) и особ. 117 (47): *signa ac furta verborum volubilitas sermonum obrueret*.

⁶ *Translator* 'переводчик' относится здесь к создателю азбуки.

[6] Оттого и пишут в книгах заголовки финикийским цветом⁷, что от финикийцев положено начало буквам. Первым Агеноров сын Кадм завёз из Финикии в Грецию буквы, числом семнадцать: А, В, Г, Д, Е, Ζ, Ι, Κ, Λ, Μ, Ν, Ο, Π, Ρ, Σ, Τ, Φ. К ним Паламед во времена Троянской войны добавил три других: Η, Χ, Ω. Впоследствии Симонид Мелик добавил еще три: Ψ, Ξ, Θ⁸.

[7] Букву Υ впервые изобразил как символ человеческой жизни Пифагор Самосский: нижний отросток означает ранний возраст, еще не определившийся и до поры не отдавшийся ни пороку, ни добродетели. К развилке сверху подступают в юности: правый путь крут, но устремлён к жизни блаженной; левый легче, но ведёт к погибели и смерти⁹. Вот как сказал об этом Персий (3.56–57):

Et tibi qua Samios deduxit littera ramos,
surgentem dextro monstravit limite callem.
Ты, для кого развела самосские веточки буква
И указала идти, поднимаясь по правой тропинке.

[8] Всего у греков пять мистических букв. Первая Υ, о которой мы только что сказали. Вторая Θ, каковая смерть [означает]. Ибо судьи помечали сей буквой Θ имена тех, кого обрекали на смерть. И зовётся она Тета ἄλλο τοῦ θανάτου, то есть от смерти. Потому

⁷ Т.е. красным (*ruber* 'красный', откуда 'рубрика').

⁸ По Плинию Старшему (7.56.192), Кадм завёз в Грецию из Финикии алфавит из 16 букв, к которым по четыре других добавили Паламед (Ζ, Ψ, Φ, Χ) и Симонид (Υ, Ξ, Ω, Θ); здесь же Плиний приводит мнение Аристотеля, что первоначальный алфавит содержал 18 букв и что Ψ и Ζ были добавлены скорее Эпихармом, чем Паламедом. У Георгия Кедрена (Comp. hist. 220.14–21 Bekker) Паламед — создатель исходной 16-буквенной (Α, Β, Γ, Δ, Ε, Ι, Κ, Λ, Μ, Ν, Ο, Π, Ρ, Σ, Τ, Φ) азбуки, дополняемой Кадмом Милетским (Θ, Φ, Χ), Симонидом 'Хиосским' (Η и Ω) и Эпихармом Сиракузским (Ζ, Ξ, Ψ). Симонид Кеосский (Melicus у Плиния и Исидора, ὁ Χίος у Кедрена, Μελικέρτης в Суде, s.v. Σζωνίδης, ок. 556–468) — один из виднейших греческих лириков; Эпихарм Косский (иначе Комик или Сиракузский, ок. 540–450) — один из заглавных комедиографов, которого превозносил платоновский Сократ; из Платона же (Ap. 41b и Phdr. 261b) мы узнаём об учёной деятельности Паламеда — одного из важнейших персонажей Троянской драмы, о ком ни словом не обмолвился Гомер.

⁹ Ср. Serv. In Aen. 6.136.

и перерезана посередине копъём (*telum*), то есть знаком смерти. Кто-то сказал о ней (*Enn. Ann. 625 Vahlen*):

O multum ante alias infelix littera theta.

Много больше других несчастливая буква ты, тета¹⁰.

[9] Третья Т, являющая образ креста Господня, отсюда и в еврейском толкуется как 'знак'. Об этом у Иезекииля вложено в уста ангела (*Иез 9:4*): «Пройди посреди Иерусалима, и на челах людей скорбящих, вздыхающих сделай знак Тау»¹¹. Оставшиеся две буквы, первую и последнюю, востребует себе Христос. Ибо он начало и конец, сказавший: «Я есмь Альфа и Омега» (*Откр 1:8*). Ведь они перетекают друг в друга — А сворачивается в Ω, и обратно Ω раскрывается в А, ибо так являет в себе Господь разом и течение начала к концу, и течение конца к началу.

[10] Все буквы у греков не только в слова складываются, но и числа указывают. Так, Альфа в качестве числа означает у них единицу. Где пишут Бету, имеют в виду двойку, где Гамму — тройку по их счислению, где Дельту — четвёрку их счёта, и так же все прочие буквы имеют у них числовое значение. [11] Латиняне же числа к буквам не причисляют, но лишь слова из букв складывают, за исключением нескольких, являющих начертания чисел, а именно I для единицы, С для сотни, D для пятисот, L для пятидесяти, T для тысячи, V для пятёрки, а также буквы X, каковая образ креста означает, а как число — десятку¹².

IV. О ЛАТИНСКИХ БУКВАХ. [1] Латинские буквы впервые передала италийцам нимфа Кармента. Карментой же наречена потому, что пела в песнях (*carminibus*) грядущее. А собственное имя

¹⁰ Skutsch тоже относит эту строку к «Анналам». Рус. перевод мой — А.Г.

¹¹ Буква *tau*, в позднейшем начертании ט, в палеоеврейском письме, как и в исходном финикийском, напоминала крест, и её название могло пониматься как просто 'знак, метка' и даже 'личная подпись' (ср. טא в *Иов 31:35*).

¹² Линдсей не принял этого развёрнутого текста ряда рукописей, оставив лишь толкования букв I и X. Обратим внимание, не вдаваясь в подробности, что символ M для тысячи — довольно позднего происхождения.

её было Никострата. Буквы бывают обычные либо книжные (*liberales*). [2] Обычные называются так потому, что многие обычно ими пользуются, например для чтения или письма. Книжные же зовутся так потому, что лишь тем они знакомы, кто пишет книги (*libros*) и кому известно, как правильно говорить и диктовать. [3] Буквы бывают двоякого рода: прежде всего, они разделяются на гласные и согласные. Гласные суть те, что разнообразно произносятся прямо из раскрытой глотки, не встречая по пути никакого препятствия. И называются гласными, поскольку уже сами по себе наполняют голос и образуют слог, без какой-либо примыкающей согласной. Согласные — это те, что производятся различными движениями языка или смыканием губ. И называются согласными, потому что сами по себе не звучат, но оглашаются лишь в сочетании с гласными. [4] Согласные разделяются на два разряда: полугласные и немые. Полугласными называются такие, что имеют в себе как бы половину гласной. А именно, начинаются с гласной *E*, а заканчиваются своим естественным звуком, [как *F*, *L*, *M* и так далее]¹³. Немыми же называются потому, что без приставленных к ним гласных вовсе не могут вырваться. Ведь если отнять у них звук примыкающей гласной, то прозвучит лишь некий запертый рокот (*mutur*) буквы, [как *B*, *G*, *D* и так далее]. Гласные, полугласные и немые обозначались древними как ‘звучные’, ‘полузвучные’ и ‘беззвучные’. [5] Гласные *I* и *U* у грамматиков получают разные значения¹⁴. [6] Ведь они бывают то гласными, то полугласными, то промежуточными. Это гласные, поскольку, стоя отдельно, они образуют слоги и сочетаются с прочими согласными. Согласными они считаются, поскольку иногда имеют после себя гласные в тех же слогах, как в *Ianus* или *vates*, и почитаются за согласные. [7] Ну а промежуточными зовутся вследствие того, что они одни по при-

¹³ Т.е. буквы, чьи названия начинаются с *E* — помимо перечисленных, сюда относятся ещё *N*, *R*, *S* и *X*.

¹⁴ Следует помнить, что *i* и *v* (так же как *i* и *j*) — лишь варианты начертания одной и той же буквы латинского алфавита.

роде дают промежуточное звучание, как в *illius* или *unius*. В сочетании с другими [буквами] ни звучат насыщенной, как в *Ianus* или *vanus*. Взятые отдельно, дают один звук, в сочетаниях — другой. I иногда зовётся двойной — потому что всякий раз, как оказывается между двумя гласными, считается за два согласных, как в *Troia*: её звук здесь удваивается. [8] А буква U иногда — и вовсе ничто: ни гласная, ни согласная, как в *quis*. Не гласная, потому что следующей идёт I, но и не согласная, потому что спереди Q. Вот и выходит ничто, коль скоро это и не гласная, и не согласная. Греки называют её Дигаммой, когда она сочетается с самой собою либо с другими гласными. Дигаммой же зовётся, потому что это двойная буква наподобие F, заключающая в себе двойную Гамму, и Дигаммой же могут называть грамматики сочетающиеся похожим образом гласные, например в *votum* или *virgo*.

[9] Среди полугласных некоторые называются плавными, потому что порой, поставленные в слог после других согласных, как бы истаивают и исключаются из метра¹⁵. Таких плавных у латинян две — L и R, как в *fragor* [‘треск’] и *flatus* [‘дуновение’]. Оставшиеся две, M и N, находим у греков, например в слове *Mnestheus*.

[10] Древнее письмо содержало семнадцать латинских букв. По этой причине их именуют ещё ‘законными’: они либо начинаются с гласной E и заканчиваются немым звуком, как в случае согласных¹⁶, либо начинаются своим собственным звуком и завершаются E, как немые, [и это A, B, C, D, E, F, G, I, L, M, N, O, P, R, S, T и U].

[11] Буква H была добавлена позднее только для придыхания. Поэтому многие и считают её просто придыханием, а не буквой, меткой придыхания, коль скоро оно вызывает повышение голоса. Ведь придыхание означает некий всплеск звука (*sonum uberius elatus*) — в противоположность просодии, которая есть ровное выведение звука. [12] Первым приобщил к латинским буквам

¹⁵ При скандировке латинского стиха L и R в слог после согласной отбрасываются, не обеспечивая долготы слога.

¹⁶ Чуть выше примерно так определялись ‘полугласные’.

К школьный учитель Сальвий, дабы обозначить различие в звучании между буквами С и Q; однако она прозвана избыточной, поскольку считается излишней: за исключением слова *Kalendae*, мы неизменно пользуемся С¹⁷. [13] Буква Q не произносится ни греками, ни евреями. Помимо латинского, её нет ни в каком другом языке. Да и тут прежде не было. Её тоже зовут избыточной, поскольку древние всегда писали взамен С.

[14] Буква X у латинян отсутствовала до времён Августа, [и не случайно появилась в то время, когда прославилось имя Христова, ибо пишется знаком, являющим образ креста], а вместо неё писали С и S; оттого и зовётся она двойной буквой, что заменяет С и S, отсюда и имя её, сложенное из этих двух букв. [15] У греков латынь заимствовала две буквы, Y и Z, как раз для написания греческих имён: до Августа их тоже не использовали, но вместо Z ставили два S, как в *hilarissat* [‘веселит’], а вместо Y писали I.

[16] С каждой буквой сопряжены три вещи: имя, каким она называется; начертание (*figura*), каким запечатляется; и значение (*protestas*) — какая считается гласной, какая согласной. К этим трём добавляется и порядок, то есть какая идёт впереди, какая следом, например А первая, вслед за ней В. У всех народов А — первая буква, потому что именно с неё прорезается голос у новорожденных.

[17] Названия же буквам народы вывели из звучания собственного языка, пометив и различив устные звуки. Как только звуки взяты на заметку, им сообщают имена и начертания. Начертания же образуются отчасти произвольно, отчасти по звучанию букв. Например, I и O: один звук тонкий, потому изображается тонкой палочкой, другой гучный, отсюда и в начертании полнота.

Значение сообщила природа, человеческий произвол — порядок и долготу. [18] Древние и знак долготы [арех: ‘вершину’] причисляли к буквенным символам. Вершиной он называется пото-

¹⁷ Исидоров *Salvius ludimagister*, если соответствует Сальвию Ритору, упоминаемому Плинием Младшим и Светонием, жил явно позже начала применения *k* в латыни. Так же Исидор ошибается и с датировкой начала использования буквы *x* чуть ниже.

му, что обозначает долготу в стопе и пишется в наверху буквы. Это ровно выведенная поверх буквы линия. [Начертание же есть то, чем пишется вся буква в целом.]

V. О ГРАММАТИКЕ. [1] Грамматика есть наука правильной речи (*recte loquendi*), начало и основа свободной учёности. Среди наук она была изобретена после обычных букв, дабы уже наученные буквам узнавали с её помощью устройство правильной речи. Грамматика получила имя от букв — ведь греки называют буквы *ὑράματα*. [2] Искусством же зовётся, потому что составлено жёсткими предписаниями и правилами. По другим, слово это выводится греками *ἀπὸ τῆς ἄρετῆς*, то есть от ‘доблести’, каковой они именовали знание. [3] Речью (*oratio*) называется как бы лад слуха (*oris ratio*)¹⁸. Ведь ‘держатъ речь’ означает ‘говорить’, ‘сказывать’. Речь есть осмысленное сплетение (*contextus*) слов. Бессмысленное же сплетение — не речь, поскольку не ладно для слуха. Речь наполнена смыслом, голосом и буквами. [4] Разделов искусства грамматики некоторыми насчитывается тридцать, а именно: восемь частей речи, членораздельный голос, буквы, слоги, стопы, ударения, препинания, знаки-метки (*notae*), орфография, аналогия, этимология, глоссы, различения, варваризмы, солецизмы, пороки, метаплазмы, фигуры, тропы, проза, размеры, сказки, истории.

VI. О ЧАСТЯХ РЕЧИ. [1] Первым Аристотель положил две части речи — имя и глагол; Донат впоследствии определил восемь. Но все возводятся к тем двум главным, то есть имени и глаголу, каковые обозначают лицо и действие. Остальные — лишь приложения, берущие начало из тех двух. [2] Так, местоимение рождается из имени, выполняя службу последнего, например *orator, ille* [‘оратор, он’]. Наречие рождается от имени, как *doctus, docte* [‘учёный, учёно’]. Причастие — от имени и глагола, например *lego, legens* [‘читаю, читающий’]. Союз же, предлог и междометие

¹⁸Ср. Hieron. Ep. 140 (139): ‘Oratio’ iuxta grammaticos omnis sermo loquentium est, cuius etymologian sic exprimunt: ‘oratio est oris ratio’.

имеют место в связи с вышеназванными. Оттого и определяют иные только пять частей речи, раз эти последние избыточны.

[1] Имя (*nomen*) — это как бы помета (*notamen*), чьё наименование воссоздаёт для нас помеченную вещь. Не знаешь имени — пропадает и знание вещи.

Имена собственные называются так, потому что они особенные: обозначают одно и только одно лицо. Есть четыре вида имён собственных: преномен, номен, когномен и агномен¹⁹. Преномен назван так, поскольку ставится перед именем, например *Луций, Квинт*. [2] Номен — потому что помечает род, например *Корнелий*: все в этом роде Корнелии. Когномен — потому что присоединяется к номену, как *Сципион*. Что до агномена, то это как бы прибавка к номену, например *Метелл Критский*, им же покорен Крит. Агномен — потому что порождается неким внешним обстоятельством. Прозвание (*cognomentum*) же, по-простонародному, — поскольку добавляется ради узнавания имени (*nomini cognitionis*), или поскольку при имени состоит (*cum nomine est*).

[3] Наричательные имена называются так потому, что это имена общеупотребительные и нарекающие множество значений. Они делятся на двадцать восемь видов, из которых вещественные (*corporea*) — это то, что можно увидеть или пощупать, как *небо* или *земля*. [4] Невещественные — поскольку бестелесные, а значит, их нельзя ни увидеть, ни пощупать, как *истина* или *правосудие*. [5] Общие — поскольку сказываются о множестве вещей, как *животное*. Ведь животное — это и человек, и конь, и птица. [6] Частные — поскольку указывают на часть, например *человек*: ведь человек — вид животного. [7] Основные — поскольку стоят на первом месте и ниоткуда не выводятся, как *гора* или *источник*. [8] Производные — поскольку выводятся из другого имени, как *горный* — от *горы*. [9] Уменьшительные — поскольку преуменьшают значение, например *гречишка* или *учителишка*. [10] Уменьшительные по звучанию, которые звучат как уменьшительные,

¹⁹ Личное имя; родовое имя; родовое прозвище, фамилия; личное прозвище.

но по смыслу являются основными, например *таблица* или *сказка*. [11] Всегреческие имена, поскольку от начала до конца склоняются по-гречески, как *Каллисто*. Так говорит и грек, и латинянин. [12] Вселатинские имена, поскольку целиком изменяются по-латыни. Грек говорит *Одиссей*, латинянин — *Улисс*. [13] Средние, названные так потому, что отчасти относятся к греческим, отчасти к латинским. Они же и полукровки (*notha*), поскольку коверкают заключительные слоги, не меняя предыдущих: например, у греков *Александрос*, *Менандрос*, у нас — *Александр*, *Менандр*. А полукровками зовутся, потому что так говорят о всяком, рождённом от чужого рода. [14] Синонимы, то есть многоимения, когда во многих именах заключено одно значение: например, *земля*, *почва*, *суша* — всё это одно и то же. [15] Омонимы, то есть одноимения, когда в одном имени много значений, например *холм* — это и невысокая гора, и пригорок, и могила: имя одно, а значения разные. [16] Относительные — поскольку имеют отношение к другому лицу, как *учитель*, *господин*, *отец*. [17] Так же именуются те, что имеют некоторое отношение к чему-то исходя от противного значения, как *правый*: ведь не будь *левого*, и о *правом* нельзя было бы высказаться. [18] Далее, качественные имена — ибо через них показывается некое качество, например *умный*, *красивый*, *богатый*. [19] Количественные — поскольку производны от меры, как *длинный* или *короткий*. [20] Патронимические — поскольку производны от отцов, например *Тидеид*, ‘сын Тидея’, *Энеид*, ‘сын Энея’; впрочем, могут выводиться и от матерей или более дальних предков. [21] Ктетические, то есть притяжательные, от принадлежности, как *Евандров меч*. [22] Эпитеты, которые по-латыни зовутся прилагательными либо возлагательными, — поскольку прилагаются к именам для восполнения их значения, например *великий*, *учёный*: полный смысл получается, как только они приложены к лицам, например *великий философ*, *учёный человек*. [23] Имена деятелей (*actualia*) — от действия, как *вождь*, *царь*, *гонец*, *кормилица*, *оратор*. Племенные — от рода-племени, как *грек*, *римлянин*. [24] Отческие — от отчизны, как *афи-*

нянин, *фиванец*. Местные — от места, как *пригородный*. [25] Отглагольные — потому что выводятся от глагола, как *читатель*. Причастные — поскольку внешне напоминают причастия, например *некто читающий*. [26] Глаголоподобные — от сходства с глаголом, как *contemplator*. Ведь это и глагол в повелительном наклонении будущего времени, и имя, поскольку допускает сравнение²⁰. Все эти виды происходят от нарицания имён.

[27] Вторая часть имени — сравнение. Сравнение называется так потому, что отдаёт предпочтение чему-то одному в сравнении с другим. Степеней сравнения три: положительная, сравнительная и превосходная. Положительная — потому что полагается за основу сравнения, например *учёный*. Сравнительная — потому что оказывается предпочтительней в сравнении с положительной: *более учёный* — знает больше учёного. Превосходная — потому что предпочтительней даже сравнительной степени: *учёнейший* — знает больше более учёного.

[28] Родовые имена (*genera*) — от способности порождать, как мужской и женский. Прочие имена не имеют рода (*non sunt genera*), он им навязывается суждением и мнением. Средний — поскольку ни то, ни сё, то есть ни мужской, ни женский. Общий — поскольку двумя родами сообщает одно имя, например *hic canis* [‘этот пёс’] и *haec canis* [‘эта сучка’]. [29] Противоположность этому — эпицен [*epicoenon: ἐπίκοινος*]: оба пола выражаются здесь посредством одного рода, например *hic piscis* [‘эта рыба’]. Ведь ни по природе, ни на глаз пол рыбы не различишь, ответ подскажет только опыт, а значит, пол тут неопределённый. Всеобщий род — поскольку служит всем родам сразу: мужскому и женскому, среднему и общему — всем вообще.

[30] Число — поскольку с его помощью имена преподносятся в единственном либо множественном числе. Форма — поскольку

²⁰ Императив глагола образован от *contemplor* ‘рассматривать’. Отглагольное же существительное *contemplator* ‘наблюдатель’ не может иметь степеней сравнения (признак прилагательных) — Исидор, вероятно, имел здесь в виду склонение. Ср. далее переход от нарицания (существительных) к сравнению (прилагательным).

имена могут быть простыми и сложносоставными. [31] Падеж — от падения; по падежам имена выпадают и изменяются при склонении. Именительный падеж — поскольку мы именуем нечто с его помощью, как *этот учитель*. Родительный — потому что выясняем через него чей-то род, например *сын этого учителя*, или обозначаем некую вещь: *книга этого учителя*. [32] Дательный — ибо показываем через него, что даём нечто кому-то: *дай этому учителю*. Винительный — потому что посредством него обвиняем кого-то: *обвиняю этого учителя*. Звательный — поскольку с его помощью зовём кого-то: *о учитель*. Отложительный — потому что им показываем, что уносим нечто у кого-то: *забери у учителя*. [33] Гексаптоты — это имена, имеющие различные формы в шести падежах, как *unus* [‘один’]. Пентаптоты изменяются в пяти падежах, как *doctus* [‘учёный’]. Тетраптоты склоняются лишь в четырёх падежах, как *latus* [‘бок’]. Триптоты — только в трёх, как *templum* [‘храм’]. Диптоты — лишь в двух, как *Iuppiter*²¹. Моноптоты используют только один падеж, как *frugi* [‘бережливый’].

VIII. О МЕСТОИМЕНИИ. [1] Местоимение — потому что ставится вместо имени, дабы само имя при повторении не наскучило. Например, когда говорим *Вергилий написал ‘Буколики’* и добавляем с местоимением *он же написал ‘Георгики’*: таким разнообразием выражения и доука устраняется, и украшение приносится. [2] Местоимения бывают определённые и неопределённые. Определённые местоимения определяют известное лицо, как *я*: сразу понимаешь, что речь обо мне. Неопределённые — потому что лица неизвестны. Так говорится об отсутствующих и незнакомых, например *quis, quae, quod* [‘который’, ‘которая’, ‘которое’]. Иные называются менее определёнными, поскольку служат напоминанием о знакомых лицах, как *ipse, iste* [‘он самый’, ‘онный’] — тут нам известно, о ком речь. [3] Притяжательные — поскольку показывают, что нам нечто принадлежит. Когда я говорю *meus, tuus* [‘мой’, ‘твой’], то определяю нечто как принадлежащее

²¹ Учитываются только номинатив и вокатив, но не формы косвенных падежей *Iovis* и т.д.: так же у других латинских грамматиков (Харисий, Сергий).

мне либо тебе. Относительные — потому что соотносятся с вопросом, например на вопрос *quis est?* [‘кто это?’] отвечают: *is est* [‘это он’]. Указательные — поскольку означают указание. Ими мы указываем на нечто присутствующее: *hic, haec, hoc* [‘этот’, ‘эта’, ‘это’], каковые три именуется также членами (*articuli*). [4] Члены — потому что с именами сочленяются, то есть сопрягаются, когда мы говорим, к примеру, *этот оратор*. Различие же между членом и местоимением вот какое: когда есть сопряжение с именем, это артикль, например *этот ученый*, а когда сопряжения нет — указательное местоимение, как *этот и эта и это*.

[5] Все местоимения делятся на первородные (*primigenia*) и производные. Первородные — потому что ниоткуда не выводятся. Всего таких двадцать одно. Три определённых: *ego, tu, ille* [‘я’, ‘ты’, ‘он’]. Семь неопределённых: *quis, qualis, talis, quantus, tantus, quotus, totus* [‘который’, ‘какой’, ‘такой’, ‘какой величины’, ‘такой величины’, ‘какой по порядку’, ‘такой по порядку’]. Далее, шесть менее определённых: *iste, ipse, hic, is, idem, se* [‘оный’, ‘он самый’, ‘вот он’, ‘тот’, ‘тот же самый’, ‘сам’]. Пять притяжательных: *meus, tuus, suus, noster, vester* [‘мой’, ‘твой’, ‘его’, ‘наш’, ‘ваш’]. Остальные называются производными, поскольку выведены и составлены из вышеназванных, как *quispiam, aliquis* [‘какой-либо’, ‘некоторый’] и прочие.

IX. О ГЛАГОЛЕ. [1] Глагол называется так от сотрясения воздуха голосом (*verberato aere sonat*), или от частого употребления (*versetur*) в речи этой части. Глаголы суть знаки духа (*mentis*), каковыми люди показывают друг другу свои мысли. И если имя обозначает лицо, то глагол — деяние и речение лица. Лицу глагола придаётся значение действующего либо претерпевающего. Так, *scribo* [‘я пишу’] — это деяние лица. И *scribor* [‘я записываюсь’] — тоже указывает деяние лица, но такого, которое претерпевает.

[2] Глаголы бывают двух родов: грамматические и риторические. Грамматические спрягаются в трёх временах: прошедшем, настоящем и будущем: *делал, делает, сделает*. У риториков же глаголом зовётся вся речь вообще, например *рек нам добрым глаголом, доб-*

рым владел глаголом: здесь имеются в виду не только те глаголы, что спрягаются в трёх временах, но вся речь вообще.

Глаголы видоизменяются по форме, наклонению, спряжению, залогу [и времени]. [3] Формы глаголов зовутся так, поскольку настраивают (*informent*) нас на то или иное действие. Ими мы показываем, какое именно действие совершаем. Так, замыслительные (*meditativa*) подразумевают замысел, намерение, например *lecturio*, то есть ‘хочу почитать’. Начинательные (*inchoativa*) служат указанием на начинание, следующее за замыслом, как *calesco* [‘разгорячаться’]. Учащательные (*frequentativa*) — от частого занятия чем-либо, например *lectito*, *clamito* [‘почитывать, покрикивать’]. В формах содержится смысл, в наклонениях — уклон (*declinatio*). И не понять уклона, если не выучить прежде смысла.

[4] Наклонения — от уклона заложенных в глаголах значений. Так, изъявительное — поскольку имеет смысл изъяснения, как *lego* [‘читаю’]. Повелительное — ибо звучит повелением: *lege* [‘читай’]. Желательное — поскольку им мы выражаем желание чего-либо: *utinam legerem* [‘я почитал бы’]. Сослагательное — потому что для полноты высказывания что-то должно приложиться. Так, если скажешь *cum clamem* [‘как закричу я’], смысл повисает в воздухе; если же скажу *cum clamem, quare putas quod taceam?* [‘как закричу я, с чего бы тебе думать, будто я молчу?’], смысл обретает полноту. [5] Неопределённое [наклонение] — поскольку определяет времена, но не определяет лица, например *clamare, clamasse* [‘кричать’]. Добавишь лицо — *clamare debeo, debes, debet* [‘я, ты, он кричать должен’], — и глагол делается как бы определённым. Безличный — значит, отсутствует лицо, выраженное именем либо местоимением, как *legitur* [‘читается’]: добавишь лицо — *a me, a te, ab illo* [‘мною, тобою, им’], — и получается полный смысл. Однако неопределённому наклонению не нужно лица глагола: безличного ли, местоимённого или именного.

[6] Спряжение — потому что через него многое сопрягается в одно звучание. Оно учит, например, на какой слог оканчивается будущее время, чтобы кто-нибудь не сказал по невежеству *legebo*

вместо *legam*. Первое и второе спряжение дают будущее на *-bo* и *-bor*, третье — на *-am* и *-ar*. [7] Залоги (*genera*) глаголов — поскольку в них проявляется заложное. Так, добавь к действительному залогу R, и родится страдательный; и наоборот, отними у страдательного R, и явится действительный. Действительными глаголы называются, потому что в них выражено действие, как *verbero* [‘я сотрясаю’], страдательные — от претерпевания, как *verberor* [‘я сотрясаем’]; нейтральные — поскольку и не действуют, и не страдают, например *iaceo* или *sedeo* [‘лежу’, ‘сажу’]. Если к этим последним добавить букву R, они будут звучать не по-латыни. Общими зовутся такие глаголы, которые выражают и действие, и страдание, как *amplector* [‘обнимаю’]. Эти, напротив, будут не по-латыни, если отнять у них букву R. Отложительными называются такие, у которых причастие будущего времени, оканчивающееся на *-dus*, отлагается от страдательного значения, например *gloriandus* [‘похвальный’: от *glorior* ‘хвалиться’].

X. О НАРЕЧИИ. [1] Наречие (*adverbium*) — потому что состоит при глаголе (*verbum*), как, например, *bene lege* [‘скажи хорошо’]. *Vene* — наречие, *lege* — глагол. Итак, наречием зовётся, поскольку всегда наполняется смыслом лишь в сочетании с глаголом. Глагол сам по себе исполнен смысла, например *scribo* [‘я пишу’]. Наречие же без глагола неполнозначно, например *hodie* [‘сегодня’]. Добавь сюда глагол — скажем, *hodie scribo* [‘сегодня я пишу’], — и в сочетании с глаголом смысл восполнится.

XI. О ПРИЧАСТИИ. [1] Причастие (*participium*) — потому что как бы прихватывает себе части от имени и от глагола (*participium*). От имени присваивает оно себе род и падеж, от глагола — время и значение, от обоих — число и форму (*figuram*).

XII. О СОЮЗЕ. [1] Союз называется так потому, что соединяет смыслы и предложения. Сам по себе он ничего не значит, но в сопряжении слов он всё равно как клей. Соединяет же союз как имена, например *Августин и Иероним*, так и глаголы: *пишет и читает*. Единая сила у всех союзов: либо связывают, либо разделяют. [2] Соединительные, или сочинительные, — поскольку

связывают смысл или же лица, например *я и ты идем на форум*: это *и* как раз и связало смысл. Разделительные — поскольку разделяют вещи или лица, как *делаем я либо ты*. Подсоединительные (*subiunctiva*) — так как подсоединяются сзади, например *-que* [‘и’]. Ведь мы говорим *regique hominique Deoque* [‘царю и человеку и Богу’], а не *que regi, que homini*.

[3] Дополнительные (*expletiva*) — поскольку дополняют предмет высказывания (*propositam rem*), как, например, *если не можешь это, сделай хотя бы то*. Общими называются такие, что ставятся [и присоединяются] где угодно: *значит (igitur), я это сделаю, это, значит, я сделаю*. [4] Причинные — от причины, по которой нечто собираются сделать, как, например, *убью его, потому что у него есть золото* — вот вам и причина. Рассудительные (*rationales*) — от рассуждения, к которому некто прибегает, делая нечто: *как мне его убить, чтобы меня не опознали? ядом или железом?*

XIII. О ПРЕДЛОГЕ. [1] Предлог — потому что ставится перед именами либо глаголами. Предлоги винительные и отложительные — от падежей, которым они служат. Приставки (*loquellares*) — это предлоги, навсегда приставшие к рекомому, а именно к словам: взятые отдельно, они ничего не значат, как *di-*, *dis-*. В сочетании же с глаголом составляют форму (*figuram faciunt*), например *diduco* или *distraho* [‘разводить, растягивать’].

XIV. О МЕЖДОМЕТИИ. [1] Междометие — поскольку оно мечется, то бишь вставляется, между словами, выражает некое душевное волнение, например от восторга мы говорим *vah*, от боли — *heu*, от гнева — *hem*, от страха — *ei*²². Оттого что возгласы эти в каждом языке свои собственные, их непросто перевести на другой язык.

²² Ср. Hieron. Ep. 20: *insultando dicamus vah, et in admirando papae, et in dolendo heu: et quando silentium volumus imponere, strictis dentibus spiritum coarctamus et agimus tantum sibilum, insinando sith*. Текст по Миню (PL 22: 378) — у Хильберга слишком безжалостная правка.

XV. О БУКВАХ У ГРАММАТИКОВ²³. [1] [Сколько есть членораздельных звуков (voces). Название же буквы, *littera*, — это как бы *legiterae*, оттого что торит путь (*iter*) читающим, либо потому что при чтении повторяется (*iterentur*).]

XVI. О СЛОГЕ. [1] Συλλαβή — это по-гречески, по-латыни же — зачатие (*conceptio*) либо сложение (*complexio*). Ведь συλλαβή назван так ἀπὸ τοῦ συλλαμβάνειν τὰ γράμματα, то есть от зачатия букв: συλλαμβάνειν означает ‘зачинать’. Следовательно, истинный слог — это тот, что рождается из нескольких букв. Называть одиночную гласную слогом можно лишь в неточном, несобственном смысле, поскольку здесь следует говорить не столько о слоге, как о некотором отрезке времени (*ratio temporum*). Слоги бывают краткие либо длинные либо общие. [2] Краткие — это те, которые никогда не могут быть протянуты. Длинные — которые всегда протягиваются. Общие же — это те, которые пищущими при необходимости произвольно и протягиваются, и урезаются. Читай Доната. А долгими и краткими слогии называются, очевидно, потому что из-за разницы голосовых долей охватывают двойной либо одинарный временной промежуток. Греческим именем дифтонгов зовутся слогии, сочетающие в себе две гласные. [3] У нас истинных дифтонгов, почитай, четыре: *ae*, *oe*, *ai* и *ei*. Что касается *ei*, то он часто встречается только у древних.

Полустопные слогии у метриков — это те, что составляют половину стопы. Ведь стопа состоит из двух слогов, а когда слог один, вот и получаем как бы полстопы. Тщательно подобранные комбина-

²³ Главка вовсе отсутствует в большинстве рукописей, в немногих повторяет уже сказанное, а заголовок приводится только в одной. Ареvalo восполняет пропуск интерполированной первой главкой из *Ars maior* Доната, озаглавленной «О звуке» (*De voce*): «Звук есть сотрясение воздуха (*aer ictus*), воспринимаемое на слух, насколько это возможно. Всякий звук бывает либо членораздельным, либо путаным. Членораздельный у людей, путаный у животных. Членораздельный — это тот, который можно записать, путаный — который записать невозможно» (GL 4.367 = Holtz 1981: 603).

ции (*formas*) для каждого единичного слога — творение Дионисия Линтия, за что он удостоился статуи²⁴.

XVII. О СТОПАХ. [1] Стопы суть те, что делятся определённые временные отрезки слогов и никогда не отступают от установленного интервала (*spatio*). Называются стопами, потому что размеры (*metra*) ими ступают. Мы сами ходим стопами — вот и размеры грядут как бы стопами. Всего есть сто двадцать четыре стопы: четыре двухсложных, восемь трёхсложных, шестнадцать четырёхсложных, тридцать две пятисложных и шестьдесят четыре шестисложных. Собственно стопами называются сочетания самое большее четырёх слогов, остальные — это сизигии. [2] Все эти стопы имеют особые причины для имён, которыми они обозначаются.

Пиррихий — потому что неотступно задавал ритм в бою, а часто и в юношеской забаве. Сpondeй — потому что звучит протяжно. Ведь спондеем зовётся тягучий звук, льющийся в уши жертвующих. Отсюда и те, кто играл на флейтах на языческих священнодействиях, назывались спондиалами. [3] Трохей же — потому что вызывает быстрое обращение напева, точно колесом стремительно бежит по стиху (*in metris*). Ведь *τροχός* по-гречески — ‘колесо’. [4] Ямб называется так, потому что по-гречески *ἰαμβόζειν* [*sc.* *ἰαμβίζειν*] означает ‘поносить’. Такого рода песнями поэты обычно изливали всяческую брань и поношение: отсюда и название — оттого что ямб как бы напитывает ядом проклятия или недоброжелательства.

[5] Трибрахий, зовущийся также и хореем, носит имя трибрахий, потому что состоит из трёх кратких слогов. [6] Молосс — от пляски молоссов, каковую исполняли во всеоружии. [7] Анапест. [Такое название — потому что считался стопую больше для отдыха и игр.]²⁵ [8] Дактиль назван по сходству с пальцем, который, начи-

²⁴ *Dionysius Lintius*: скорее *Lindius*, т.е. ‘Линдский’ (по месту преподавания в Линде на о. Родос) — больше известен как Дионисий Фракийский (170–90).

²⁵ Греч. *ἀνάλαστος* ‘отражённый назад’, зд. ‘обратный (*sc.* дактилю)’. Источник Исидора связывает название стопы с *ἀνάλασις* ‘перерыв, отдых’.

наясь более длинной долей (modo), заканчивается двумя короткими. Так и в этой стопе одно долгое сочленение и два коротких. Вот и протянутая рука зовётся ладонью, свисающие пальцы — дактилями. [9] Амфибрахий — потому что имеет по обе стороны краткие слоги, в середине — долгий: ведь βραχύς означает ‘короткий’. [10] Амфимакр, напротив, имеет по краям долгие, а в середине — краткий: ведь μακρός означает ‘долгий’. [11] Бакхий — потому что стопа эта использовалась на Вакхиях, то есть священнодействиях Либеры. [12] Антибакхий или палимбакий — потому что это перевернутый или обращённый вспять бакхий. [13] Прокелевматик — так как хорошо подходит для задания ритма поющими за тяжёлой работой (ad celeuma canentium)²⁶. [14] Диспондей, дитрохей и диямб — потому что состоят из двух ямбов, спондеев или трохеев. [15] Антиспаст — поскольку состоит из контрастных слогов: краткого и долгого, долгого и краткого. [16] Хориямб — потому что этой стопой слагаются песни, лучше всего подходящие для хоров. [17] Ионики, вестимо, — из-за неравномерного звучания их ритма: они содержат два долгих слога и два сокращённых. [18] Пэаны (paenes) — по имени изобретателя²⁷. [Они состоят из одного долгого и трёх кратких, причём долгий помещается в разные позиции согласно их наименованиям.] [19] Эпитриты — потому что всегда насчитывают три долгих слога и один краткий. [20] Сизигии — это пятисложные стопы и шестисложные, греческое же название συζυγία — это всё равно как склонения²⁸. Но это не стопы, а так и зовутся — пятисложники и шестисложники, поскольку не превышают пяти и шести слогов. Потому и не годится, чтобы в поэме какое-либо имя насчитывало слогов больше, например *Carthaginiensium*, *Hierosolymitanorum*, *Constantinopolitanorum* [‘карфагенян’, ‘иерусалимцев’, ‘константинопольцев’].

²⁶ Лат. *celeu(s)ma* (от греч. κέλευ(σ)μα) — ‘команда, подаваемая начальником гребцов’, позже ‘ритмическая трудовая песня’ (Дворецкий).

²⁷ Бог-целитель Παῖαν отождествлялся преимущественно с Аполлоном, реже — с Асклепием.

²⁸ Declinationes, хотя скорее (этимологически) Исидор имел в виду спряжения (conjugationes).

[21] В каждой стопе имеют место арсис и тесис, то есть повышение и понижение голоса. Ведь [наши] стопы не смогли бы править путь, не поднимайся и не опускайся они поочерёдно. Например, в *arma* [‘оружие’]: *ar-* — повышение, *-ta* — понижение. Разделением этих двух связываются правильные стопы. Равное деление означает выделение под арсис и тесис равных длительностей. [22] Двойное — когда одно из двух вдвое превышает другое. Полуторное — когда одно превосходит другое в полтора раза: в простой части стопы здесь единицей больше, в двойной единицей меньше — ведь ‘полтора’ означает наполовину [меньше либо больше]. Тройное — когда бóльшая часть содержит трижды всю меньшую, то есть отношение здесь три к одному. Эпитрит — когда бóльшая часть содержит меньшую и её треть в придачу. Таким образом, члены стопы разделяются равным, двойным, полуторным, тройным или эпитритным отношением.

[23] Поровну, стало быть, мы делим следующие²⁹:

Спондей	--	<i>aestas</i>
Пиррихий	∪ ∪	<i>fuga</i>
Дактиль	- ∪ ∪	<i>Maenalus</i>
Анапест	∪ ∪ -	<i>Erato</i>
Диспондей	-- --	<i>oratores</i>
Прокелевматик	∪ ∪ ∪ ∪	<i>avicula</i>
Диямб	∪ - ∪ -	<i>propinquitias</i>
Дитрохей	- ∪ - ∪	<i>cantilena</i>
Антиспаст	∪ - - ∪	<i>Saloninus</i>
Хориямб	- ∪ ∪ -	<i>armipotens</i>

[24] Двойным делением — такие стопы:

Трохей	- ∪	<i>meta</i>
Ямб	∪ -	<i>parens</i>

²⁹ В большинстве рукописей для стоп приводятся схемы долгих и кратких. Аревало предпочитает иллюстрации в виде конкретных латинских слов. Мы даём здесь и рисунок стопы, и слово для примера.

Молосс	- --	Aeneas
Трибрахий	υ υ υ	macula
Ионик большой	-- υ υ	Iunonius
Ионик меньший	υ υ --	Diomedes

[25] [Лишь одна стопа делится тройным делением, оно же наибольшее, и потому число размеров с ним наименьшее.]

Амфибрахий υ | - υ carina

[26] Полуторные вот какие:

Амфимакр	- υ -	insulae
Бакхий	υ - -	Achates
Антибакхий	- - υ	natura
Пэан первый	- υ υ υ	legitimus
Пэан второй	υ - υ υ	colonia
Пэан третий	υ υ - υ	Menedemus
Пэан четвертый	υ υ υ -	celeritas

Остались те, что делим эпитритным разделом:

Эпитрит первый	υ - --	sacerdotes
Эпитрит второй	- υ --	conditores
Эпитрит третий	-- υ -	Demosthenes
Эпитрит четвертый	-- - υ	Fescenninus

[27] Итак, равных [отношений в стопах] десять, двойных шесть, тройное одно, полуторных семь, эпитритных четыре. Только одна стопа делится тройным делением, оно же наибольшее, и потому число размеров с ним наименьшее. [28] Число слогов в стопах — от двух до шести; дальше не считается, ибо стопы доходят лишь до шести слогов.

Длительностей (tempora) в стопах столько, сколько набирается в каждой отдельной стопе. Разрешением (resolutio) стоп называется

ся замена одного долгого слога двумя краткими, или двух долгих — четырьмя краткими, например (Verg. Aen. 2.16):

Sectaque intexunt abiete costas.

Его [бока Троянского коня] обшивают распиленной ельюю.

Abiete [‘елью’] здесь — разрешение спондея в прокелевматик, причём Вергилий всегда использует такое разрешение вслед за синалефой³⁰. [29] Из одного долгого получаются два кратких, из двух же кратких один долгий не получается никогда³¹. Ибо вещи сплочённые могут быть разбиты, но расколотые сплотиться не могут.

Существуют фигуры, по меткам которых распознаются слоги. Увидишь нижнюю половину круга, написанную дважды, — это пиррихий: ∪ ∪; а где лежачую I, тоже дважды, — спондей: ——. [30] Размеры соотносятся со стопами — от трохея трохайческий, от дактиля дактилический, от ямба ямбический: об этом поговорим чуть позже.

XVIII. ОБ УДАРЕНИЯХ. [1] Акцент, греками называемый просодией, [получил имя из греческого]. Ведь по-гречески πρὸς, по-латыни — *ad* [‘при’]. По-гречески ψῆδῆ, по-латыни — *cantus* [‘песнь’]. То есть, имя это передано дословно. У латинян, однако, есть и другие имена. Акценты они также называют ударениями (*tonos*) и напряжениями (*tenores*), потому что тут происходит нарастание и спад звука. [2] А акцентом называется, потому что состоит при песне (*cantus*), как наречие (*adverbium*) — оттого что при глаголе (*verbum*)³². Острое ударение (*acutus*) — поскольку заостряет и поднимает слог; тупое (*gravis*) — поскольку угнетает и

³⁰ Συναλοιφή — стяжение слогов в результате элизии, красиса или синэресиса, в данном случае — элизии конечного *-e* в *sectaque* перед *intexunt*. Прокелевматик *ābīētē* в 5-й стопе гексаметра заменяет скорее дактиль, чем спондей.

³¹ «Никогда» не допускается замена двух кратких слогов дактиля на один долгий спондей именно в 5-й стопе гексаметра, хотя во всех прочих стопах это в порядке вещей.

³² Нечастый у Исидора пример верной этимологии: *accentus* действительно выводится из *accinō* — кальки с греч. προσῆδω.

понижает: ведь гравис — противоположность акуту. Облечённое (circumflexus) — ибо состоит из острого и тупого. Начинаясь акутом, завершается грависом, поднимается и опускается, образуя тем самым изгиб циркумфлекса. [3] Острое и облечённое сходны: то и другое поднимает слог. Тупое, очевидно, противоположно обоим. Ибо оно всегда угнетает слоги, тогда как те поднимают, например (Luc. 1.15):

Unde venit Titan, et nox ibi sidera condit.

Там, где восходит Титан, где ночь укрывает созвездья.

Unde [‘откуда’, зд. ‘там, где’] здесь под грависом: звучит не так сильно, как при акуте и циркумфлексе.

[4] В односложных частях речи, если слог по природе краткий, как в *vir*, либо долгий по положению, как в *ars*, он будет иметь острое ударение. А если долгий по природе, как в *rēs*, — облечённое. Двухсложные части речи, если начальный слог по природе долгий, а последний краткий, получают облечённое ударение, например *Mūsa*; в противном случае — острое. В трёхсложных частях речи, если средний слог краткий, например в *tibia*, то первый заостряем акутом. Если же второй слог по природе долгий, а последний краткий, как в *Metellus*, тогда на среднем ставим циркумфлекс. [5] Четырёхсложные и пятисложные держатся порядка трёхсложных. В одном слове гравис может ставиться с одним другим ударением, но с двумя — никогда, например в [*Catullus*]³³. В составных словах — одно ударение.

[6] Изобретены же ударения были либо для различения — например, чтобы не прочитать *ursus* [‘медведь’] в строке (Verg. Aen. 8.83):

Viridique in litore conspicitur sus;

Веприцу между стволов увидали;

³³ Ср. *Ars maior* Доната (GL 4.371: in trisyllabis et tetrasyllabis et deinceps... si paenultima positione longa fuerit, ipsa acuatur et antepaenultima gravi accentu pronuntiabitur, ut Catullus Metellus, etc.) и, конечно же, Квинтилиана (Inst. 1.4.22–30).

либо ради произношения — чтобы не говорить μέτᾱ с кратким α вместо протянутого, [как в μετᾱ]³⁴; либо для разрешения неоднозначности, как в ergo: с протянутым -gō это означает причину, с сокращённым — союз³⁵.

XIX. О ЗНАКАХ УДАРЕНИЯ (De figuris accentuum)³⁶. [1] Знаков ударения десять — их грамматики надписывают для различения слов. Ὁξείᾱ, то есть острое ударение, пишется линией, идущей слева направо и вверх: ´. [2] Βαρεῖᾱ, то есть тупое ударение, обозначается линией, идущей сверху вниз и вправо: ` . [3] Περιστωμένη, то есть облечённое ударение, передаётся линией, составленной из акута и грависа: ^ . [4] Μακρός, то есть долгий, выводится горизонтальной чёрточкой: - . [5] Βραχύς, то есть краткий, — нижней половинкой круга: ∪ . [6] Ὑφέν, то есть соединение, поскольку соединяет два слова, пишется изогнутой подстрочной чёрточкой: √ . [7] Διαστολή, то есть разделение, которое разъединяет противоречивое, — подстрочным правым полукругом: ∽ . [8] Ἀλόστροφος тоже пишется правой половинкой круга, но ставится у верхней части буквы: ∩ . Этот знак показывает, что в слове недостаёт последнего гласного, например *tribunal'* вместо *tribunale*. [9] Δασείᾱ, в переводе ‘придыхание’, пишется там, где должна была бы стоять буква Η, и передаётся следующим образом: † . [10] Ψιλή, в переводе ‘сухость’ в смысле чистоты [звука], пишется там, где букве Η стоять не следует, и изображается так: † . [11] Из этой-то буквы придыхания латиняне и создали знаки обоих акцентов. Сложи их, и получишь саму эту метку придыхания. И наоборот: разреши букву [Η] посередине поперечной черты, и получатся δασείᾱ и ψιλή.

³⁴ Перевод толковательный: греч. μέτᾱ — форма глагола μέτεσθι ‘существует, имеется, есть’; μετᾱ — предлог со значениями ‘посредством, после’ и т.д.

³⁵ Т.е. наречие ‘поэтому, таким образом’ и предлог ‘из-за, ради’, причём ergō с кратким ὄ — позднее явление.

³⁶ Довольно точный пересказ текста Доната (GL 4.371–372), у кого см. также примеры употребления гифена и диастолы. Знак гифена в некоторых рукописях Исидора выглядит немного иначе. И, конечно, начертания знаков тонкого и густого придыханий принципиально отличны от принятых сегодня.

XX. О ЗНАКАХ ПРЕПИНАНИЯ (De posituris)³⁷. [1] Пунктуация (positura) — это способ различения смысла посредством колонов, запятых и периодов, каковые, если поставлены на своём месте, проясняют нам смысл читаемого. А знаками пунктуации, или препинания, называются либо потому что помечаются на письме точками-пунктами, либо в силу того, что голос на них запинаяется ради паузы различения. Греки их называют θέσεις, латиняне — пунктуацией. [2] Первый знак препинания называется подразличением (subdistinctio), оно же запятая. Следующий — среднее различие, оно же колон. Крайнее различие, которым замыкается целое предложение, — это период.

Колоны и запятые, как сказано, являются частями предложения; разница между ними указывается различием места, где ставятся точки. [3] В начале высказывания (pronuntiatio), в той части, когда смысл еще неполон, однако нужно перевести дух, выходит запятая, то есть частица смысла, и внизу при букве ставится точка; это называется подразличением, потому что требует точки внизу буквы. [4] Когда в сказанном уже вырисовывается некий смысл, но до полноты высказывания (sententia) чего-то ещё недостаёт, выходит колон, каковой помечается точкой при середине буквы; мы называем это средним различием, поскольку точка ставится при середине буквы. [5] Когда же по ходу высказывания мы получаем полностью законченное предложение, выходит период, и точка ставится в изголовье буквы: это называется различием, иначе говоря — разделением, коль скоро отделяет цельное предложение. [6] Так у ораторов. Иначе у поэтов: когда в стихе после двух стоп в слове остаётся ещё слог, имеет место запятая, поскольку тут делается обрезание слова согласно скандировке. Когда же

³⁷ Словом *positura* обозначали как один из трёх знаков препинания (κῶλον, κόμμα, περίοδος), так и выделяемые этими знаками одноимённые части предложения. В переводе приходится жонглировать этим двойным смыслом, что не слишком удачно получается особенно с коммой-запятой. Излагаемая Исидором система пунктуации восходит к александрийскому грамматику Аристовану Византийскому (ок. 257 – ок. 185/180).

никакая часть речи не выходит за две стопы, имеет место колон. А весь стих — это период³⁸.

XXI. О ЗНАКАХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ (*De notis sententiarum*)³⁹. [1] Бывали у знаменитейших авторов и другие знаки писаний, которые древними вставлялись в песни и истории для различения написанного. Знак [такого рода] — это особая фигура, напоминающая букву, которая пишется для указания какого-либо свойства слова, предложения либо стиха. К стихам прилагаются знаки числом двадцать семь, чьи имена приводятся ниже.

[2] * Астериском помечается пропущенное, чтобы высветить этим знаком то, что представляется недостающим. В греческом языке звезда именуется ἀστήρ, отсюда и выводится астериск.

[3] — Обел⁴⁰, то есть горизонтальная чёрточка, метит избыточно повторяющиеся слова либо предложения, или такие места, где какое-либо чтение признано ложным, дабы стрелой пронзал пустое и поражал ложное. Ведь по-гречески ὀβελός — это ‘стрела’.

[4] — Обел с отточием сверху помечает то, о чём есть сомне-

³⁸ Как справедливо отмечают Barney & al. 2006: 50, Исидор сопоставляет комму-запятую с цезурой (в третьей стопе гексаметра), а колон — с диэрезой (совпадением конца слова с концом метрической единицы — не обязательно стопы или двух).

³⁹ Речь здесь идёт об издательско-редакторских пометках, о которых, помимо данной главки Исидора, рассказывают ещё 5–6 близко родственных текстов — какие-то по-латыни, другие по-гречески. Краткую их сводку даёт Gudeman 1922, а из комментированных изданий отметим Osann 1851 и Weber 1903. Все они, по-видимому, восходят к несохранившейся работе Светония *Peri tōn en tois biblíois σημείων* (отмечена в Суде, s.v. Τράγκυλλος), текст которой пытаются восстановить в своём издании Светониевых *reliquiae Reifferscheid*. Из греческих авторов, на которых должен был опираться Светоний, можно упомянуть Диоген(иан)а Кизикского, написавшего, по Суде, одноимённый труд (4/5 в. до н.э.), и Аристарха Самофракийского (ок. 220–143) — эпонима сурового критика, ученика и наследника во главе Александрийской библиотеки Аристофана Византийского. Конечно, формы редакторских знаков от рукописи к рукописи (уже одного только Исидора) рознятся. Аревало даёт сводную таблицу различных начертаний. Мы здесь приводим наиболее «логичные» по контексту.

⁴⁰ ὀβελός означает ‘вертел, рожон’, хотя чуть ниже слово это передано как ‘стрела’. Исидор последовательно смешивает ὀβελός и ὀβολός ‘обол’, предпочитая написания *obolus*, *obolismene*.

ния: то ли удалить, то оставить. [Метка ложного.] [5] ÷ Лемниск [Λημίσκος: 'перевязка'], то есть горизонтальная чёрточка промеж двух точек, выставляется против тех мест, которые переводчиками святого Писания передаются в смысле подлинника, но другими словами.

[6] Ÿ Антиграф с точкой пишется там, где в переводах присутствует иной смысл. [7] *— Астериск с обелом: использовался специально Аристархом — при стихах, которые были поставлены не на своё место. [8] Γ Параграф ставится для отделения связанных и пересекающихся друг с другом вещей — так в перечне отделяются место от места и область от области, в агоне — награда от награды, состязание от иного состязания. [9] 7 Препинание (positura) — фигура противоположная параграфу, и оформлена так потому, что как тот отмечает начала, так и эта отделяет концы от начал. [10] ∪ Крифия, нижняя половинка круга с точкой, ставится в тех местах, где представляется невозможным раскрыть или решить какой-либо трудный и тёмный вопрос. [11] ∩ Антисигма ставится при стихах, чей порядок предполагается изменить. Встречается в этой позиции и у древних авторов. [12] ∩ Антисигма с точкой ставится там, где налицо повторяющиеся стихи, содержащие один и тот же смысл, и сомневаются, какой предпочесть.

[13] > Дипла. Эту [пометку] наша пишущая братия (scriptores nostri) ставит в книгах церковных мужей для выделения и указания свидетельств святых Писаний. [14] > Дипла περὶ στίχων. Этой первым Леогор Сиракузянин пометил гомеровские стихи для отделения Олимпа от неба⁴¹. [15] × Дипла περὶ ἐστὶ μὲν η̄, то есть 'с двумя точками'. Этой древние обозначали всё, что неправильно до-

⁴¹ Суда упоминает Леогора, отца оратора Андокида (s.v. Λεωγόρας). Если это тот самый Леогор (что вряд ли), то «Сиракузянин» следует исправить на «Афинянин». Под «отделением Олимпа от неба» подразумевается сортировка использования слова Ὀλύμπος у Гомера в значениях конкретной горы и места пребывания небожителей.

бавил Зенодот Эфесский⁴² — либо выкинул, либо переменял. Таким же образом и наши ею пользовались. [16] > Дипла ὀβολισμένη вставляется для выделения периодов в комедиях и трагедиях. [17] —< [Дипла] обратная обельная (aversa ὀβολισμένη) добавляется [для выделения] строф и антистроф. [18] < Лицевая (adversa) с обелом помечает [сказанное] с оглядкой на что-либо, например (Verg. Aen. 10.88):

nosne tibi fluxas Phrygiae res vertere fundo
 conamur? nos? an miseros qui Troas Achivis
 obiecit?
 [Ты искушаешь?] Ужель это я обломки фригийской
 Мощи низвергнуть хочу? Кто троянцев предал ахейской
 Мести?

[19] > Дипла с обелом сверху ставится для указания изменившихся обстоятельств мест, вре́мен и лиц. [20] >< Дипла правая и лицевая с обелом сверху ставится при определённой своим местом [текстовой] монаде и означает, что далее следует похожая. [21] ✕ Керавний ставится, когда отвергают множество стихов сразу, чтобы не метить обелом каждый в отдельности: κεράυνιον означает ‘перун’. [22] ✕ Хрисимон. Каждый метит им всё что угодно единственно по собственной прихоти. [23] ϕ Фи и Ро, то есть φροντίς [‘забота’]. Эта [пометка] ставится там, где есть некая неясность, для выражения беспокойства (ob sollicitudinem). [24] γ Якорь верхний помечает некую вещь великую во всех отношениях. [25] λ Якорь нижний ставится, когда приходится уведомить о чём-то низким и неподобающим образом. [26] Ϛ Знак коронис проставляется только в конце книги⁴³. [27]] Знак нелепицы (alogus nota) означает призыв исправить нечто.

⁴² Суда s.v. Ζηνόδοτος: «Зенодот Эфесский, эпический поэт и грамматик. Ученик Филета, жил при Птолемею I [Сотера: 367–283/2]. Первый редактор Гомера, возглавлял Александрийские библиотеки и был учителем у детей Птолемея».

⁴³ Символ κορωνίς (‘криво(клювы)й’, от κορώνη ‘ворона’ — см. Chantraine s.v.) в этом значении метки завершения особенно разительно отличается от более известного с древности, как и в более поздние времена: ☩.

hanc primū loquor ut sicut ac uisum posuit homerici uersibus. ut per oratione
 olimpi ac celo. **D**ipleptismene id est eugemini punctat hanc antiq̄ in his oppone
 bant que Zeno doctus effectus nō eret adiecit. aut detraheret. ut p̄mutat erit
 in his & nos caustis. **D**iple obolismene in p̄ponit ad se per and as in comedit. uel
 tragœdus. p̄ uos. **A**dū sabolismene quoniam s̄ throfe & t̄ am̄st̄ of̄ s̄ in s̄ t̄.
Adū sacumobolo adeo p̄ponit que ad aliquid respiciunt. Ut nos. ne ab̄ fr̄igeret uer
 tere. fundocōnam. Notā m̄ m̄ s̄ or̄ q̄ uir̄ uas̄ uis̄ ob̄ ier̄. **D**iple s̄ p̄ne ob̄ l̄ta
 p̄onit ad cond̄ m̄ on̄ s̄ lo cōz̄. ut ē p̄on̄ p̄ r̄on̄ ā r̄ q̄. mutat̄. **R**ectas adū s̄ a
 sup̄ne ob̄ l̄ta p̄onit s̄ in r̄alocofuo mona design̄. ficante simile sequente quoq̄. ee. **C**
Ceraunū p̄onit quoniam multa uersus in p̄blantur. nec singular. Ceraunū enī s̄ il
 m̄ d̄ r̄. **C**risimon hanc sola exuoluntate. unius cuiusq̄ ad aliquid notandū p̄onit
Phiat̄ id est s̄ f̄on̄ s̄ h̄ x̄ ubi aliquid obscuritas. ob̄ s̄ l̄ l̄ t̄ u d̄ i n̄ e p̄onit. **A**n
 chora superior p̄onit ubi aliquare magna animo. **A**nchora inferior ubi al
 quid uulsiſime t̄ in conuenientur d̄ enum̄at̄. **C**ronis notatantū in s̄ in el
 bri apponit. **A**logus nota ad m̄ d̄ ar̄ ad h̄ i beaur. s̄ ium & alieno t̄ ule libroz̄
 p̄ agnoscend̄ r̄ h̄ i s̄ q̄ u p̄ ex̄ t̄ r̄ em̄ r̄ at̄ s̄ p̄ agnū exponunt. **U**trulicetor in lim̄ s̄ r̄
 huiusmodi signū in uenerit. ad t̄ x̄ t̄ r̄ e u r̄ r̄ e n̄ s̄ e i d̄ s̄ e r̄ m̄ om̄ i t̄ uer̄ s̄ u l̄ s̄ e r̄ a t̄ e
 exp̄ s̄ i t̄ i o n̄ e c̄ u r̄ u s̄ i m̄ l̄ e s̄ u p̄ u a c̄ e n̄ t̄ e n̄ o t̄ a m̄ u m̄ e r̄ i t̄. **DENOTISUULGARIB;** cp. 24.

Vulgare nota s̄ en̄ m̄ s̄ p̄ r̄ i m̄ i l l̄ e & c. inuenit. Notā u s̄ u s̄ e r̄ a t̄ u q̄ u o q̄ u i d̄ p̄ o m̄ e n
 tione aut in uulgaribus et libris scriberent. complures similtantes diuisi s̄ i n̄ t̄
 s̄ e p̄ a r̄ i b̄. q̄ d̄ q̄ u i s̄ q̄ u e r̄ b̄ a & q̄ u o o r̄ d̄ i n̄ e a c c̄ i p̄ e r̄. Romē p̄ r̄ i u s̄ t̄ u l l̄ u s̄ t̄ r̄ o c̄ i e r̄ o m̄ i
 lib̄ o r̄ u s̄ c̄ o m̄ t̄ u s̄. n̄ o t̄ a s̄ s̄ e c̄ t̄ a m̄ t̄ u p̄ o s̄ t̄ i o n̄ u. Post eū u s̄ p̄ s̄ a m̄ u s̄ p̄ h̄ i l a r̄ ḡ u s̄
 & a q̄ u i l a l̄ i b̄ r̄ u s̄ m̄ e c̄ o n̄ a r̄ a l̄ u s̄ a l̄ a s̄ i d̄ d̄ i d̄ e. De ande seneca contractu om̄ i d̄ e
 ḡ e n̄ t̄ o q̄. & a u c̄ t̄ o n̄ u m̄ e r̄ o o p̄ u s̄ e f̄ f̄ i c̄ i t̄ i n q̄ u i n q̄. m̄ i l i a. Note autē d̄ i c̄ e c̄ o ḡ d̄ u e r̄ b̄ a
 t̄ s̄ i l l̄ a b̄ a r̄ p̄ s̄ i f̄ i c̄ a r̄ e t̄ o r̄ i b̄. n̄ o t̄ e n̄ t̄ & a d̄ n̄ o n̄ t̄ a l̄ e ḡ e n̄ t̄ u r̄ e u o c̄ o n̄ t̄. q̄ u a s̄ q̄ u i d̄ i d̄ i
 e r̄ u n̄ t̄ p̄ p̄ r̄ i e ū n̄ o t̄ a r̄ i u a p̄ p̄ e l l̄ a n̄ t̄ u r̄. **DENOTISUURIDICIS** cp. 25.
 In libris uis uerborū suoz̄ notet̄ quoz̄ scripta celebri breuior q̄. s̄ i a t̄. Scribe
 bat̄ enī uerbi gr̄. t̄ a a p̄. & F. Bonū factū. P̄. & c. senatus consultur. P̄. & p̄
 res publica. P̄. & r̄. post roman̄. p̄ d̄ a r̄. d̄ i r̄ a x̄ a r̄. p̄ s̄ u p̄ i n̄ a. c̄ o l̄ i t̄ e r̄ a m̄ u l̄ i e r̄
 p̄. p̄ s̄ e c̄ t̄ a u r̄ a p̄ u p̄ i l l̄ u s̄. p̄. uer̄ o c̄ a p̄ i e p̄ u p̄ i l l̄ a. P̄ u n̄ u. k̄ a p̄ u t̄. p̄ d̄ u o c̄ a p̄ p̄ a
 i u n̄ o t̄ a c̄ a l̄ u m̄ e u s̄ a. p̄ l̄. & e. u d̄ e c̄ e t̄ o. p̄ d̄. & c̄. d̄ o l̄ i. m̄ a l̄ u. Cuius generis plurime
 c̄ o n̄ s̄ i m̄ i t̄ n̄ o t̄ e i n l̄ i b̄ r̄ i s̄ i n u e n̄ i u n̄ t̄. h̄ a s̄ i u r̄ i s̄ h̄ a t̄ a s̄. N̄ o u t̄ i m̄ p̄ e r̄ a t̄ o r̄ e s̄. a o d̄ i c̄ i b̄. l̄ e
 ḡ u a b̄ o l̄ e n d̄ a s̄. s̄ a n̄ x̄ e r̄ q̄. m̄ a t̄ o s̄ p̄ h̄ e c̄ a l l̄ i d̄ i n̄ ḡ e n̄ i o i ḡ n̄ o r̄ a m̄ e s̄ d̄ e c̄ i p̄ i e b̄ a n̄ t̄. a q̄. n̄ a
 i u s̄ s̄ e r̄ s̄ e n̄ b̄ e n d̄ a s̄ i n l̄ e ḡ i b̄. l̄ i t̄ e r̄ a s̄ u m̄ n̄ u l l̄ o s̄ e r̄ r̄ o r̄ e s̄ n̄ u l l̄ a m̄ b̄ i a s̄. i s̄ s̄ e r̄ a n̄ t̄ s̄ e d̄ s̄ e q̄ u e n
 d̄ a & u r̄ a n d̄ a. i p̄ t̄ e d̄ e m̄ o n̄ s̄ t̄ r̄ e n̄ t̄. **DENOTISUULGARIB;** cp. 26.
 In breuior quoq̄ quib̄
 m̄ i l t̄ u d̄ n̄ o m̄ i n̄ a c̄ o m̄ n̄ e b̄ a n̄ t̄ p̄ p̄ r̄ i a n̄ o t̄ a e r̄ i t̄. u p̄ d̄ u c̄ t̄ e r̄. q̄ u a m̄ i n̄ s̄ p̄ i c̄ e r̄ e q̄ u a n t̄ e
 m̄ i l i a b̄. s̄ u p̄ e r̄ e n̄ t̄ q̄ u a n t̄ u b̄ e l l̄ o c̄ e d̄ i s̄ s̄ i n̄ t̄. **T**̄ a u n̄ o t̄ a i n c̄ a p̄ i t̄ e u e r̄ s̄ i c̄ u l p̄ o s̄ i t̄ a s̄ u
 p̄ p̄ e s̄ t̄ i t̄ e d̄ e s̄ i ḡ n̄ a b̄ a t̄. **T**̄ e s̄ h̄ a u e r̄ o a d u m̄ u s̄ c̄ u s̄ q̄. d̄ e f̄ u n̄ c̄ t̄ i n̄ o m̄ a p̄ p̄ o n̄ e b̄ a t̄. U n d̄ e

MS. Sangallensis quartus (237), p. 20
 St. Gallen, Stiftsbibliothek. 9–10 v.

[28] Бывают ещё и другие значки в книгах, для указания на что-то, что разъясняется на полях страниц, чтобы читатель, когда находит с краю знак такого рода, понимал, что это пояснение того самого слова или стиха, которые он, возвращаясь к тексту, обнаруживает с похожей пометкою сверху.

XXII. О ЗНАКАХ УПРОЩЕНИЙ (*De notis vulgaribus*). [1] Первым изобрёл знаки упрощения Энний, числом тысяча и сто⁴⁴. Они употреблялись при записи речей на собраниях либо судебных заседаниях: несколько присутствующих одновременно писцов, разделив между собой части речей, каждый по очереди записывал сколько-то слов. В Риме первым придумал такие знаки Туллий Тиرون, отпущенник Цицерона, но лишь для предлогов (*praepositionum*). [2] После него Випсаний, Филаргий и Аквила, отпущенник Мецената, каждый добавил нечто от себя. Затем Сенека, сведя их все воедино, упорядочив и увеличив числом, довёл дело до пяти тысяч. Эти знаки называются пометами (*notae*), поскольку метят условленными начертаниями (*praefixis characteribus*) слова или слоги и вызывают их в памяти (*notitia*) читающих; те же, кто эти знаки изучили, ныне по праву зовутся нотариями⁴⁵.

XXIII. О ЗНАКАХ ЮРИДИЧЕСКИХ. [1] В книгах законов некоторые буквы суть знаки определённых слов: писать их быстрее и короче. Так, к слову, пишут BF вместо *bonum factum* [‘в добрый час!’]⁴⁶, SC вместо *senatus consultum* [‘сенатское постановление’], RP вместо *respublica* [‘государство’], PR вместо *populus Romanus* [‘народ римский’], DT вместо *dumtaxat* [‘по крайней мере’], опрокинутой буквой W обозначается *mulier* [‘женщина’]⁴⁷, естествен-

⁴⁴ Ср. у Светония (Gram. 1): «Энний издал две книги — *О буквах и слогах* и *О размерах*, но Луций Котта справедливо рассудил, что они принадлежат не поэту, а позднему Эннию, которому приписываются также книги *О науке авгуров*» (пер. М.Л. Гаспарова).

⁴⁵ Тирановы знаки, метод их использования и имена изобретателей — ещё одна отдельная большая тема. Исидоров текст здесь далёк от однозначности. Ср., например, Traube 1920: 3.264 sqq.

⁴⁶ Вступительная формула в законодательных актах.

⁴⁷ Т.е. опрокинутой (*supinat*) M, как и читается в ряде рукописей. Гриаль, впрочем, полагает, что здесь следует понимать перевёрнутую (*conversam*) пре-

ной Р — *pupillus* [‘сирота м.р.'], Ч с верхушкой влево — *pupilla* [‘сирота ж.р.'], одиночным К — *caput* [‘голова’], связкой КК — *calumniae causa* [‘случай клеветы’], IE — *iudex esto* [‘да будет судьёй’], DM — *dolum malum* [‘злой умысел’]. [2] В древних книгах нам встречается много похожих знаков такого рода. Эти юридические знаки новейшие императоры предписали изъять из сводов законов, поскольку с их помощью хитрецы обманывали многих несведущих, и приказали записывать законы буквально, дабы те не допускали никаких ошибок, никаких двусмысленностей, а ясно указывали, чему следовать и чего избегать.

XXIV. О ЗНАКАХ ВОЕННЫХ. [1] В сводках (*breviculis*), содержащих имена воинов, использовалась у древних особая метка, по которой можно было выяснить, сколько воинов уцелело, а сколько пало в бою. Знак Тау (Т) в заголовке строки обозначал выжившего⁴⁸; Тета же (Θ) метила имена каждого из павших. Потому и перерезана посередине копьем (*telum*), то есть знаком смерти. Персий сказал о ней (*Pers.* 4.13):

Et potis es nigrum vitio praefigere theta.

Можешь клеймо наложить на порок смертоносною тетой⁴⁹.

[2] А когда хотели обозначить незнание, использовали букву Ламбду⁵⁰, — так же как смерть подразумевали, прописывая в заголовке строки Тету. Особыми знаками пользовались и при выплатах жалованья.

XXV. О ЗНАКАХ БУКВЕННЫХ. [1] Ещё и буквенные знаки устанавливали между собою древние, дабы сообщать нечто другу другу тайно, обмениваясь письменными посланиями. Свидетель тому Брут, который подобными буквами обозначил свой замысел,

тью (Ш) букву, а именно С, в условном написании Э, обозначающую ‘Гайю’ — что-то вроде ‘имярек’ применительно к женщине.

⁴⁸ Старые комментаторы предлагали вместо Т читать V (pro ‘vivit’) либо Y (pro ὑγείας). Ср. также сказанное Исидором выше об ипсилоне и тау.

⁴⁹ В классическом переводе Ф.А. Петровского «тета» пропала: «И наложить на порок клеймо смертоносное можешь».

⁵⁰ Читаем *imperitia* ‘незнание’ вслед за Линдсеем (в рукописях также: *impritia, pueritia*), имея в виду вариант ‘пропал без вести’ — ср. греч. λανθάνω.

и никто не подозревал, что́ на самом деле означали для него эти буквы. [2] А вот что говорит, обращаясь к сыну, Цезарь Август: «Поскольку постоянно случается бесчисленное множество такого, о чём надобно написать друг другу, но при этом сохранить в тайне, давай условимся между собой о таких знаках, чтобы когда мы пишем что-либо, подставляя вместо каждой буквы следующую, а именно В вместо А, С вместо В, ну и прочие таким же образом; а вместо Z следует вернуться к началу и писать двойное АА»⁵¹. Были ещё и такие, кто писал слова задом наперёд.

XXVI. О ЗНАКАХ ПЕРСТНЫХ. [1] Есть знаки и перстов, и глаз, каковыми безмолвно общаются друг с другом на расстоянии. Таков обычай у военных, когда войско выражает согласие поднятием рук, коль скоро голосом нельзя. Иные, когда не могут приветствовать голосом, делают это взмахом меча. [2] Энный о какой-то распутнице:

Quasi pila
in choro ludens datatim dat sese et communem facit.
Alii adnutat, alii adnictat, alium amat alium tenet.
Alibi manus est occupata, alii pervellit pedem;
anulum dat alii spectandum, a labris alium invocat,
cum alio cantat, at tamen aliis suo dat digito litteras.
Словно мяч в игре, гетера отдаётся в руки всем:
Здесь кивнула, там мигнула, здесь любовник, там дружок;
Этого рукою держит, а того ногой толкнёт;
Этому кольцо покажет, а тому шепнёт привет;
Здесь поёт с одним, другому письмецо перстом чертит⁵².

⁵¹ По Светонию (Jul. 56), «нужно читать всякий раз четвёртую букву вместо первой, например, D вместо A и так далее»; и об Августе (Aug. 88): «когда он пользуется тайнописью, то пишет В вместо А, С вместо В и так далее таким же образом, а вместо X ставит двойное А». Буква Z была добавлена в латинскую азбуку из греческой уже после Августа. Цезарева тайнопись упоминается также у Авла Геллия (17.9.1–5).

⁵² Под 'Эннием' имеется в виду Невий; эти строки из его комедии *Tarentilla* приводятся здесь по Уормингтону (74–79 Warmington). У Исидора искажён даже размер — читается ямбический сенарий вместо трохаического септенария. Русский перевод И. Холодняка.

И Соломон (Притч 6:13): «мигает глазами своими, говорит ногами своими, даёт знаки пальцами своими».

XXVII. ОБ ОРФОГРАФИИ. [1] Орфография — это по-гречески, на латынь переводится как ‘правописание’. [*Ortho* означает ‘правильно’, *graphia* — ‘писание’⁵³.] Эта наука учит, как мы должны писать. Если искусство [грамматики] занимается склонением частей речи, то орфография нацелена на знание написания. Например *ad* как предлог принимает букву D, как союз — T. [2] *Haud* в роли отрицательного наречия оканчивается на букву D и в начале имеет знак придыхания; но в качестве [разделительного] союза пишется через T и без придыхания. [3] *Apud* как предлог пишется через D, например в *ad patrem* [‘к отцу’] — ведь древние часто использовали *apud* вместо *ad*, [с пропуском двух средних букв]⁵⁴. [4] Между тем, иногда одни буквы ставятся на место других по праву. Буквы B и P связаны известным сродством. Так, вместо *Burrus* мы говорим *Pyrrhus*. [Буквы] C и G имеют некое сродство. Так, мы говорим *centum* [‘сто’] и *trecentos* [‘триста’], но затем — *quadringentos* [‘четыреста’], подставляя G вместо C. C и Q также в родстве. Например, *huiusce* [‘вот этого’] мы пишем через C, *cuiusque* [‘каждого’] — через Q. *Cum* в роли предлога надлежит писать через C, а было бы наречие — через Q: ведь мы говорим *quum lego* [‘тогда как я говорю’]. *Deus* следует писать через одно E, *daemon* — через дифтонг AE. [5] *Equus* в смысле животного [‘конь’] пишется через одно E, *aequus* в смысле ‘справедливого’ — через дифтонг AE. *Exsul* [‘изгнанник’] нужно писать с добавленным S, потому что изгнанником называется некто потерявший почву (*qui extra solum est*). *Exultat* [‘торжествовать’] лучше писать без буквы S, ведь сама X состоит из C и S, и зачем тогда добавлять ещё и другую к уже имеющейся?

⁵³ Слово возникло уже на латинской почве.

⁵⁴ Как отмечают Barney & al. 2006: 52, здесь Исидор (как и его источники — Кассиодор и Великий Лонг) в первую очередь возражает против написания *apud* с конечным -t, в связи с чем Кайль (GL 7.154) предлагает читать *sicut 'ad' praepositio* вместо неожиданного *sicut 'ad patrem'*.

[6] *Aequor* [‘морская гладь’] следует писать через дифтонг, поскольку это имя образовано от *aqua* [‘вода’]⁵⁵. [7] *Forsitan* [‘возможно’] следует писать с N на конце, ибо полностью это будет *si forte tandem* [‘если же, возможно’]. [8] *Fedus* в смысле ‘безобразного’ пишется через одно E, *foedus* в смысле ‘союза’ — через дифтонг OE. [9] *Formosus* [‘красивый’] следует писать без N, поскольку от *forma*. [Или ещё от *formus* в смысле ‘горячего’, ибо жар крови порождает красоту.]⁵⁶ *Gnatus* [‘отпрыск’] в смысле ‘сына’ надо писать через G, потому что это то же, что *generatus* [‘рождённый’]. [10] H, то есть буква придыхания, в латыни сочетается только с гласными, например *honor* [‘честь’], *homo* [‘человек’], *humus* [‘почва’], [*humilitas* [‘смирненность’]]. Согласные тоже получают придыхание, но лишь в греческих и еврейских именах. И междометья *heus* и *heu* следует писать через H.

[11] Некоторые считали, что букву I, стоящую между двумя гласными, например в словах *Troia* и *Maia*, надо прописывать дважды. Но здравый смысл этого не позволяет: ведь никогда три гласных кряду не пишутся в одном слове. Однако буква I между двумя гласными считается за двойную. [12] Местоимение среднего рода *id*, коль скоро имеем *is*, *ea*, *id* [‘он, она, оно’], пишется через D, так как подразумевает *idem* [‘оно самое’]; но через T — если это глагол в третьем лице, *eo*, *is*, *it* [‘иду, идешь, идёт’], [так как подразумевает] *itur* [‘проходится’].

[13] Букву K древние писали спереди всякий раз, как следом шла A, например *kaput* [‘голова’], *kanna* [‘тростник’], *kalamus* [‘тростинка’]. Ныне же с нею пишутся только *Karthago* и *kalendae*. А вот все греческие имена независимо от следующей буквы пишутся через K. [14] *Laetus* [‘весёлый’] пишется через дифтонг, поскольку ‘весёлость’ — от ‘широты’ (*laetitia a latitudine*), в противоположность грусти, которая означает стеснение. Букву L мы иногда употребляем вместо D, например *latum* [‘принесённое’] вместо *datum*

⁵⁵ Т.е. ошибка писать *equor*: спереди нужно поставить начальную *a*- из *aqua*.

⁵⁶ У многих авторов серебряного века и позднейших принято написание *formonusus*; *formus* в смысле ‘горячего’ (ср. греч. θερμός) — совсем позднее слово.

['данное'] и *calamitas* ['напасть'] вместо *cadamitas*; ведь напасть своё имя получила от падения (a cadendo).

[15] *Maximus* или *maximus*: остаётся под вопросом, как надлежит писать это и другие подобные слова. Варрон передаёт, что у Цезаря было обыкновение произносить и писать такого рода слова через I. Авторитет такого мужа и породил обычай писать *maximus*, *optimus*, *pessimus*. [16] *Malo* ['предпочитаю'] надо писать через одно L, потому что подразумевает *magis volo* ['больше хочу']. *A malle* ['предпочитать'] — через два LL, так как подразумевает *magis velle* ['больше хотеть']. *Nolo* ['не хочу'] тоже с одним L, а *nolle* с двумя, ибо *nolo* значит как бы *ne volo*, а *nolle* — *ne velle*.

[17] *Os*, если подразумевает 'лицо' либо 'кость', пишется с одним O; если же человека, то спереди следует приписать H⁵⁷. [18] *Ora* границ ['берега'] пишется через O, *hora* дней ['час'] — через H. *Opus*, если речь о бремени, должно писаться с одним O; а если о чести [арх. *honus* 'честь'] — то с придыханием H. [19] *Praepositio* ['предлог'] и *praeterea* ['кроме того'] надлежит писать через дифтонг. *Pene* в значении союза ['почти'] пишется с одним E, *poena* в смысле 'наказания' — через OE.

[20] Буква Q лишь тогда пишется правильно, когда тотчас вслед за нею идёт буква U и затем одна либо несколько всё равно каких гласных, так что образуется один слог. Прочие слова пишутся с C. [21] Местоимение *quae* ['которые'] нужно писать с A, союз *-que* ['и'] — без. *Quid* ['которое'] в роли местоимения пишется через букву D, а в качестве глагола ['мочь'] — через T: его исходная форма *queo*, *quis*, *quit*, а в сложении — *nequeo*, *nequis*, *nequit*. [22] *Quod* ['что'] в качестве местоимения пишется через D, а в числовом смысле — через T [*quot*: 'сколько, еже-'], потому что *totidem* ['столько же'] пишется с T. *Quotidie* ['ежедневно'] надо писать через Q, а не C, потому что это как бы *quot diebus* ['сколько-то дней']. [23] Буква R имеет связь с S. Вот и у древних говорилось *honus*, *labos*, *arbos*, а теперь — *honor* ['честь'], *labor* ['труд'], *arbor* ['дерево']. [24] *Sat* ['достаточно'] надо писать через T, так как полностью бу-

⁵⁷ Имеется в виду асс. pl. *hos* 'их'.

дет *satis*. *Sed* [‘но’] нужно писать с D. Ведь у древних говорилось *sedum* вместо *sed* — это мы обрѣзали последние две буквы. [25] *Tamtus* [‘какой’], как и *quamtus* [‘такой’], раньше имели M в середине, поскольку произошли от *quam* [‘как’] и *tam* [‘так’], отсюда же *quamtitas*, *quamtus*, *tamtus*. [26] Междометье *vae* [‘увы’] следует писать с A, а союз *-ve* [‘или’] — без A. [27] *Xř̄s* [Χριστός], поскольку это от греков, должно писаться через X, как и *xristma* [χρίσμα: ‘помазание’]. [28] Буквы Y и Z пишутся только в греческих именах. Так, в слове *iustitia* [‘правосудие’], хотя и слышится звук буквы Z, писать нужно T, потому что это латинское слово. Так же *militia* [‘войско’], *malitia* [‘злоба’], *nequitia* [‘негодность’] и другие подобные. [29] В сомнительных словах, когда одна и та же буква давала один смысл, если была краткой, и иной — если протянутой, у древних было в обычае помечать долгие слоги апексом; например, с помощью апекса различали, обозначает ли *populus* дерево [pōpulus: ‘тополь’], либо множество людей [‘народ’]. Так же и в случае удвоения согласных надписывали ‘серпик’ (sicilicus), например в словах *cella* [‘каморка’], *serra* [‘пила’], *asserres* [‘жерди’]. Древние не удваивали буквы, а ставили сверху серпик — эта метка извещала читателя, что буква должна быть удвоена.

XXVIII. ОБ АНАЛОГИИ. [1] Ἀναλογία по-гречески, по-латыни именуется сравнением либо соотносением (proportio) подобного. Сила его в том, что нечто сомнительное соотносится с чем-то бесспорным, и неясное объясняется определённым. Восемью способами выводится сравнение аналогии: по качеству, сравнительной степени, роду, числу, форме (figura), падежу, окончаниям из подобных слогов, подобию времён. [2] Если что-либо одно из названного отсутствует, значит это уже не аналогия, то есть подобие, но скорее аномалия, иначе говоря ‘вне правила’, как, например, *lepus* [‘заяц’] и *lupus* [‘волк’] — во всём совпадают, но по падежным окончаниям расходятся: *lupi*, но *leporis*. По правилу же, когда выясняешь, скажем, какого рода слово *trames* [‘тропа’], мужского или женского, и оказывается, что *limes* [‘граница’, м.р.]

во всех формах склонения ему подобно, выходит, что и *trames* — мужского рода.

[3] Точно так же, если не уверен, какого рода слово *funis* [‘канат’], подобие в склонении со словом *panis* [‘хлеб’, м.р.] указывает, что мужского. Сравнение положительных степеней тоже показательное, например *doctus* и *magnus*: оба слова в положительной степени и друг другу подобны. Бывает аналогия и по уменьшительной форме: что *funis* — мужского рода, показывает *funiculus*, что *marmor* среднего — *marmusculum*. [4] Ведь какой род в исходной форме, тот же обычно и в уменьшительной. Впрочем, не всегда: например, *pistrinum* [‘мельница-толчея’, ср.р.], но *pistrilla* [‘мельничка’, ж.р.]. И всё же, если мы должны узнавать склонение из сравнения положительной формы, то и род должны выводить из уменьшительной.

XXIX. ОБ ЭТИМОЛОГИИ. [1] Этимология есть начало слов (*vocabulorum*), когда сила глагола либо имени постигается истолкованием. Аристотель называл её *σύμβολον*, Цицерон — ‘примечанием’ (*adnotatio*)⁵⁸, потому что она, предоставляя пример, делает имена и глаголы вещей приметными (*nota*) — например, *flumen* [‘поток’] нарекается от течения (*a fluendo*), поскольку он вырос из течения. [2] Часто знание этимологии содержит необходимое подспорье для истолкования слова: ведь если увидишь, откуда возникло имя, быстрее поймёшь его силу. Со знанием этимологии становится проще вникание в любой предмет⁵⁹. Не все имена древние установили по их природе, но какие-то — и по собственному произволу, как и мы порой даём имена невольникам

⁵⁸ Сис. Тор. 8.35: «Многое можно почерпнуть из обозначения, то есть когда доказательство улавливается из смысла имени, что греки называют *ἔτυμολογία*, буквально ‘истинословие’. Мы, однако, избегая слова нового и довольно неуклюжего, называем этот род *notatio* (‘обозначение’), ибо слова суть *notae* (‘знаки’) вещей, и Аристотель называл именем *σύμβολον* то, что по-латыни есть *nota* (‘знак’)» (пер. А.Е. Кузнецова).

⁵⁹ Ср. у Тертуллиана (*De fuga in pers.* 1.2): *omnis enim rei inspectio auctore cognito planior*, т.е. «со знанием автора» Исидор заменяет на «со знанием этимологии» — на это обращает внимание Fontaine 1981: 100.

и имуществу, какие нам понравятся. [3] Этимологии не всех имён можно отыскать, и причина здесь в том, что некоторые приняли названия не по своим прирождённым качествам, но по прихоти человеческой воли.

Этимологии даются именам либо по их причине, например *reges* [‘правители’] от правления (a regendo) и правильного образа действий (recte agendo), либо по началу, как *homo* [‘человек’], ибо возник из земли (humo), либо по противоположностям, как *lutum* [‘грязь’] от мытья (a lavando), хотя грязь не чиста, и *lucus* [‘роща’], коль скоро тенистая сень её пропускает мало света (parum luceat).

[4] Иные возникли как производные от имён, например *благоразумный* от благоразумия; иные из звукоподражания (ex vocibus), как *garrulus* [‘болтливый’] от стрекотания (a garrulitate); иные от греческой этимологии, а склоняются по-латыни, например *silva* [‘лес’]⁶⁰, *domus* [‘дом’]. [5] Иным же названиям дают начало имена мест, городов или рек. Множество других берётся из наречий разных народов, потому и непросто опознать их происхождение. Много есть варварских имён, неизвестных латинянам и грекам.

XXX. О ГЛОССАХ. [1] Глосса получает название из греческого, где означает ‘язык’ [ἄλωσσα]. Философы называют её ‘наречием’ (adverb[i]um), поскольку она определяет некоторое спорное речение одним словом. То есть одним словом объявляет, что́ заложено в том или речении, например «умолкание значит молчание».

[2] Или (Verg. Aen. 10.314):

[Per tunicam squalentem auro] latus haurit apertum.

[Туники ткань разорвав, тяжёлой от золота], в рёбра
Влился [Энея клинок].

[И глосса]: «влился: пронзил». Точно так же, когда «предел» (terminus) передаём как «границу» (fines), а «разорённые» (populatas) толкуем как «опустошённые» (vastatas), и вообще слово за слово проясняем какую-либо вещь.

⁶⁰ Ср. Etym. 17.6.5, где Исидор производит слово *silva* (quasi *xylva*) от греч. ξύλον ‘дерево, древесина’, хотя более ранние латинские авторы связывали его скорее с греч. ὄλη ‘лес’, см. ЕМ s.v. *silua*.

XXXI. О РАЗЛИЧЕНИЯХ. [1] Различение есть вид определения, которое пишущие об искусствах (*scriptores artium*) называют 'о том же самом и о различном'. Так две какие-либо вещи, которые из-за того или иного сродства между ними смешиваются друг с другом, с привнесением различия разделяются, и становится понятно, чем является каждая из них. Задаться, к примеру, вопросом, что отличает царя от тирана, — применение различия определяет того и другого: «царь скромн и умерен, тиран жесток». Так с привнесением различия между этими двумя даётся знание о том, чем именно тот и другой являются. И так далее.

XXXII. О ВАРВАРИЗМЕ. [1] Варваризм — это слово, выраженное с порчей буквы или звука. Буквы — например, *floriet*, когда следовало бы сказать *florebit* ['зацветёт']; звука — если вместо среднего слога протягивается первый, например в *latebrae* ['тайники'] или *tenebrae* ['потёмки']⁶¹. А прозывается варваризмом по племенам варварским, поскольку те не ведали чистоты латинской речи. Подчиняясь римлянам, каждое племя вместе с богатствами своими приносило Риму также порчу и слов, и нравов. [2] Есть разница между варваризмом и варваролексией: варваризм имеет место в латинском слове, когда оно коверкается; когда же варварскими словами пересыпают латинскую речь, это варваролексия. Опять же, когда в прозе происходит порча слова, это называется варваризмом; а когда в размере — метаплазмом. [3] Варваризм имеет место как на письме, так и в произношении. Письменный четырёх разновидностей: если кто добавит, отнимет, изменит или убавит в слове букву либо слог. Устный же относится к длительностям, ударениям, придыханиям и прочему с этим связанному. [4] Варваризм по длительностям возникает, если вместо долгого слога используется краткий, или вместо краткого — долгий. По ударениям — если акцент переставляется на другие слоги. По придыханию — если буква Н добавляется, где не на-

⁶¹Е среднего слога в *latēbra* — долгое 'по природе', а в *tenebrae* может быть таковым только 'по положению' (в стихотворной строке); *latēbra* могло получаться как раз по аналогии с *tenebrae*.

до, или изымается, где должна стоять. [5] По зиянию (*hiatus*) — когда произносимый стих прерывается, прежде чем закончится, или когда гласная следует за гласной, как в *Musae Aonides* [‘Музы Аониды’]. Еще варваризм порождается мотацизмом, [йота-цизмом] и ламбдацизмом. [6] Мотацизм — это когда за буквой М следует гласная, например *bonum aurum* [‘доброе золото’], *iustum amicum* [‘справедливого друга’]; но этого порока нам легко избежать, проглотив либо пропустив букву М. [7] Йотацизм относится к звуку, который удваивается на букве I, как в словах *Troia* или *Maia* — когда произношение этих букв настолько слабо, что слышится одна Йота, а не две. [8] Ламбдацизм — это когда вместо одной L произносятся две, как делают африканцы, например *colloquium* [‘беседа’] вместо *conloquium*; или когда одну L мы произносим слабее, а две раскатистей (*largius*). [9] Коллизия — когда окончание крайнего слога повторяется в начале другого, например в *matertera* [‘тётка по матери’].

XXXIII. О СОЛЕЦИЗМЕ. [1] Солецизм есть нескладное соединение между собой многих слов, так же как варваризм — порча одного слова. Итак, солецизм — это неправильно связанные слова, например если кто-нибудь скажет *inter nobis* вместо *inter nos* [‘между нами’] или *date veniam sceleratorum* вместо *sceleratis* [‘подарите милость злодеям’]. [2] Называется же солецизмом от киликийцев, родом из города Солы, что ныне зовётся Помпейополем: живя среди чужих, они коверкали и портили их язык, перемешивая его со своим, — этим и дали название солецизму. Отсюда и похожая манера говорить называется ‘впадением в солецизмы’ (*soloecismos facere*).

[3] А у поэтов солецизмом зовётся схема, какая случается в стихе из необходимости соблюсти размер. Когда же такой необходимости нет, остаётся лишь изъян (*culpa*) солецизма. [4] Солецизм бывает двух разновидностей: по частям речи и по привходящим (*accidentia*). По частям речи — если одну часть используем вместо другой, например приставляем предлоги к наречиям. По привходящим — то есть всему тому, что привносится в части речи, на-

пример качествам, родам и числам, формам и падежам. Всё это даёт повод для солецизма, как изложено Донатом⁶². [5] Кроме того, бывают солецизмы и многих других разновидностей. Так, Луцилий насчитал сто родов солецизмов, и всякий, кто стремится держаться правильной речи, чем прибегать к ним, обязан все их избегать.

XXXIV. О ПОРОКАХ РЕЧИ. [1] Грамматики называют пороками то, чего нам следует остерегаться в речах. Вот они: варваризм, солецизм, акирология, какемфатон и прочая. [2] Варваризм — это порча одного слова. [Например, если кто-то протягивает третий слог в *ignoscere* [‘не знать’].] [3] Солецизм — порча в соединении слов. [Например, если кто-нибудь скажет *inter nobis* вместо *inter nos* [‘между нами’].] [4] Акирология — неуместное выражение, например (Luc. 2.15):

...liceat sperare timenti.
...и останется трусу — надежда.

Ведь для труса уместен страх, а не надежда. Или ещё (Verg. Aen. 5.286–287):

[Nos pius Aeneas misso certamine tendit] *gramineum in campo*...
[Так состязанье одно завершилось.] В луга травяные
[Тотчас Эней поспешил]⁶³.

О лугах уместно было бы сказать *graminosum* [‘травянистый’], а не *gramineum* [‘травяной’]. Какемфатон — непристойное либо нескладно звучащее выражение. [5] Пример непристойного (Verg. Aen. 1.579):

His animum arrecti dictis.
Духом воспряли тугим⁶⁴.

⁶² См. *Ars maior* (GL 4.393–394).

⁶³ В тексте Исидора другой падеж, *gramineo in campo*. В классическом переводе С.А. Ошерова под ред. Ф.А. Петровского: «на луг травянистый».

⁶⁴ В переводе Ошерова-Петровского: «духом воспрянули вмиг» (Эней и Ахат от речей Дидоны). У Фета-Нагуевского: «в духе возбуждены».

Пример нескладного (Verg. Aen. 2.27–28):

[panduntur portae], iuvat ire et Dorica castra
[desertosque videre].
[Настежь створы ворот]: как сладко выйти за стены,
[Видеть брошенный] стан дорийцев.

Это дурное соединение — начинать с того же слога, на который оканчивается предыдущее слово [Dorica castra].

[6] Плеоназм — добавление одного излишнего слова, например (Verg. Georg. 2.1):

Hactenus arborum cultus et sidera caeli.
О хлебопашестве я рассказал и созвездьях небесных.

Где же ещё быть звёздам, кроме как на небе? [7] Периссология — добавление нескольких излишних слов, например (Втор 33:6): «Да живет Рувим и да не умирает»: как же ещё жить, иначе как не умирая? [8] Макрология — многословие, захватывающее ненужные вещи, например (Liv. fr. 74 Jal): «Не заключивши мира, послы оттуда воротились, домой вернулись». [9] Тавтология — тожесловие (*idemloquium*), например (Verg. Aen. 1.546–547):

[Quem] si fata virum servant, si vescitur aura
aethera, neque adhuc crudelibus occubat umbris.
Если его пощадила судьба, если воздухом дышит
Он, если видит эфир и к жестоким теням не спустился.

Здесь повторяется одно и то же, только выражено массой слов.

[10] Эллипсис (*eclipsis*) — это неполное выражение, в котором недостаёт необходимых слов, например (Verg. Aen. 4.137–138):

Cui pharetra ex auro.
...за плечами –
Звонкий колчан золотой.

Недостаёт слова *erat* [‘был’]. [11] Тапиносис — уничтожение, умаляющее в речи статус великой вещи, например (Verg. Aen. 1.118):

Adparent rari nantes in gurgite vasto.

Изредка видны пловцы среди широкой пучины ревущей.

Вместо *mare* [‘море’] поэт использовал *gurges* [‘пучина, омут’]. [12] Какосинтетон — порочное соединение слов, например (Verg. Aen. 9.609–910):

...versaque iuencum

terga fatigamus hasta.

...словно стрекалом,

Древком копья погоняем быков⁶¹.

[13] Амфиболия — двусмысленное выражение, создаваемое, например, [двойным] винительным падежом, как тот ответ Аполлона Пирру (Enn. Ann. 174):

Aio te, Aeacida, Romanos vincere posse.

Истинно: римский народ победит Эпир Закидский.

Неясно, кому в этом стихе он пророчил победу. [14] Бывает [амфиболия] и от неясного различия, например (Verg. Aen. 1.263):

Bellum ingens geret Italia.

Долго сраженья вести он в Италии будет.

Неясное различие здесь — непонятно, то ли *bellum ingens* [‘великая война’], то ли *ingens Italia* [‘великая Италия’]. [15] Бывает и от общего [communis: отложительного] глагола, например *Deprecatur Cato, calumniatur Cicero, praestolatur Brutus, dedignatur Antonius* [«проклятие Катона, порицанье Цицерона, поджидание Брута, презрение Антония»]. В этой двусмысленности не понять, то ли они других, то ли другие их проклинаят, порицают и т.д. [16] Случается и от омонимии, когда в одном имени заключено

⁶¹ Из Помпеева комментария к Донату (GL 5.295) можно понять, что «порок речи» в данном случае — просто чрезмерное искажение естественного порядка слов: *versa hasta iuencum terga fatigamus*.

множество значений: например, в *acies* [‘острие, острота’] — если не добавить ‘меча’ или ‘взора’ или ‘войска’.

XXXV. О МЕТАПЛАЗМАХ. [1] Метаплазм — греческое слово, полатыни это называется превращением (*transformatio*). Случается в отдельном слове из необходимости соблюсти размер либо вследствие поэтической вольности, и вот каких разновидностей. [2] Протесис, добавление в начале слова, например [*gnato* вместо *nato* [‘рождённым’], *tetulit* вместо *tulit* [‘принёс’]]. Эпентесис, добавление в середине слова, например [(Verg. Aen. 3.409):

[*has casti*] *maneant in religione nepotes*;
Пусть и у внуков завет этот так же свято блюдётся;

relligione вместо *religione*⁶², *reliquias* вместо *reliquias* [‘остатки, останки’], *induperator* вместо *inperator* [‘император’]]. [3] Парагога, добавление в конце, например *admittier* вместо *admitti* [‘быть допущенным’]⁶³, *magis* вместо *mage* [‘больше’]⁶⁴ и *potestur* вместо *potest* [‘может’]⁶⁵. Афересис, усечение в начале слова, например *temno* вместо *contemno* [‘презираю’]. Синкопа, усечение в середине, например *forsan* вместо *forsitan* [‘возможно’]. Апокопа, усечение в конце, например *sat* вместо *satis* [‘достаточно’]. [4] Экстасис, неестественное протяжение, например [(Verg. Aen. 1.498–499):

exerct Diana choros,
...хороводы
Водит Диана⁶⁶,

или (Verg. Aen. 1.1–2):

⁶² Добавленное *-l-* обеспечивает в данном слове долготу первого слога.

⁶³ Архаическая и классическая формы *infinitivi praesentis passivi*.

⁶⁴ Здесь наоборот — классическая и архаическая формы.

⁶⁵ *Potestur*: архаическое уподобление активной формы пассивной.

⁶⁶ В поэзии доминирующей была форма *Diana*, но, как видим, ‘естественной’ формой Исидор считает *Diana*. Ср. Варроново этимологизирование *Diviana* (L. 5.68), но и *Deviana* (Gram. fr. 103 Funaioli), а также эпиграфическое *Deana*.

Ītaliā fātō [profugus],
...в Италию [первым из Трои —]
Роком [ведомый беглец],

хотя *Italiā* следовало бы произносить с кратким].
Систола, неестественное сокращение, как [(Verg. Aen. 6.773):

...urbemque Fīdenam,
...и город Фидену⁶⁷,

где первый слог нужно протягивать. Или как *Orion* мы произносим, сокращая гласные, тогда как следует протягивать]. Диэресис, расщепление слога надвое, например [(Verg. Aen. 9.26):

[dives equum], dives pictai vestis [et auri],
[Гордых] обильем [коней], и одежд узорных, [и злата],

вместо *pictae*, или (Enn. Ann. 31 Skutsch = 33 Vahlen):

...Albai longai.
...Альбы Лонги,

вместо *Albae longae*]. [5] Эписиналефа, склеивание двух [слов] в один, например [*Phæthon* вместо *Phaëthon*, *Neri* вместо *Nereï*, *æripedem* вместо *aëripedem*].

Синалефа, стяжение гласных с гласными в примыкающих словах, например [(Verg. Aen. 9.1):

Atque ea diversa penitus dum parte geruntur.
Эти покуда дела вдалеке от Лаврента вершатся].

[6] Эллипсис (eclipsis), стяжение согласных с гласными, например [(Verg. Aen. 1.3):

...multum ille et terris iactatus et alto.
Долго его по морям и далёким землям бросала].

⁶⁷ Пер. А.А. Фета и В.С. Соловьёва под ред. Д.И. Нагуевского.

Антитесис, подмена (*contrapositio*) одной буквы другою, например *inpete* и *impetu* [‘порывом’], *olli* и *illi* [‘они’]. Метатесис, перестановка букв, например *Thymbre* вместо *Thumber*, *Evandre* вместо *Evander*. [7] Между варваризмом и фигурами, то есть совершенным латинским выговором (*elocutio*), стоит метаплазм, каковой может проявиться пороком речи в отдельном слове. И между солецизмом и схемой, то есть совершенной связью слов, стоит фигура⁶⁸, которая может проявиться пороком речи в сплетении слов. Итак, метаплазмы и схемы стоят посередине и различаются степенью искусственности либо неискренности. Они применяются также для украшения.

XXXVI. О ФИГУРАХ. [1] Σχήματα в переводе с греческого на латынь означает ‘фигуры речи’: они имеют место в словах либо предложениях в разнообразных формах выражения ради украшения речи. Много их насчитывают грамматикки, но вот какие встречаются. [2] Пролепсис (*prolepsis*) есть предвосхищение (*praesumptio*), когда то, что должно следовать, ставится наперёд, например (*Verg. Aen. 12.161–162*):

Interea reges ingenti mole Latinus

[*quadriiugo vehitur curru*].

Тою порой показались цари: [в колеснице четвёркой]

Едет могучий Латин.

Ведь следовало бы сказать *Interea reges ingenti mole* [«меж тем цари могучею глыбой»] и тотчас добавить идущее следом, а именно (*Verg. Aen. 12.169*) *procedunt castris* [«лагерь покинув, идут»], а затем уже продолжить: *Latinus...* и т.д.; но ради украшения сделано предвосхищение предмета, и то, что должно следовать сразу вслед за «царями», отложено на семь стихов и добавлено после: *procedunt castris*. Потому и предвосхищение, ибо то, что должно следовать, поставлено наперёд. [3] Зевгма — это замыкание, по-

⁶⁸ Исидор, как всегда, не очень последователен в своей терминологии: в следующей фразе, как и в следующей главке, «схема» приравнивается к «фигуре».

сколькx замыкает несколько фраз на одном слове⁶⁹. Есть три её разновидности, ибо слово это, соединяющее фразы, ставится либо в начале, либо в конце, либо в середине. Пример начальной зевгмы (Lucil. 139):

Vertitur oenophoris fundus, sententia nobis.
Дно показал кувшин, а с ним разумение наше⁷⁰.

Пример срединной (Enn. Ann. 329):

Graecia Sulpicio sorti data, Gallia Cottae.
Греков Сульпицию жребий отдал, Галлию Котте.

Пример конечной (Ter. Andr. 67):

...namque hoc tempore
obsequium amicos, veritas odium parit.
...ведь в наши дни друзей
Угодливость родит, а правда — ненависть⁷¹.

[4] Гипозевксис — фигура, противоположная предыдущей, когда для каждой фразы выделяется собственное замыкание, например (Verg. Aen. 10.149):

Regem adit et regi memorat nomenque genusque.
Там предстал пред царем и назвал царю имя и род свой.

[5] Силлепсис — в нестыкующихся частях предложения: глагол в единственном числе замыкает речение во множественном⁷², например (Verg. Aen. 1.553):

⁶⁹ Zeugma est clausula, quum plures sensus uno verbo clauduntur. Проще говоря, зевгма — это член предложения, на котором смыкаются сразу несколько «фраз», выраженных подчинёнными членами.

⁷⁰ Пер. Е.Г. Рабинович.

⁷¹ Пер. А.В. Артюшкова.

⁷² Syllepsis est in dissimilibus clausulis aut pluralis dictio singulari verbo finita... aut singularis dictio plurali verbo expleta. Проще сформулировано у Доната, источника Исидора (GL 4.397). Ещё проще — «отнесение предиката к ряду субъектов при грамматической его согласованности с одним только из них» (Дворецкий).

...sociis et rege recepto;
Если снова найдётся царь и спутники;

либо глагол во множественном числе дополняет речение в единственном, например (Verg. Ecl. 1.80–81):

...sunt nobis mitia roma,
[castaneae molles] et pressi copia lactis.
...у меня творога изобилье,
Свежие есть плоды, [созревшие есть и каштаны].

Ведь выше он сказал *sunt* [sc. roma ‘плоды’, мн.ч.], а тут должен был сказать *est et pressi copia lactis* [copia ‘изобилье’, ед.ч.]. [6] Силлепсис относится не только к частям речи, но и к их привходящим (accidentia). Всюду, где единственное используется вместо множественного или множественное вместо единственного, налицо силлепсис. Пример единственного вместо множественного (Verg. Aen. 2.20):

...uterumque armato milite conplent,
Воином вооружённым заполнили [тайно] утробу⁷³,

хотя речь не об одном, а о многих воинах. То же и при замене множественного единственным, как в Евангелии (Мф 27:44): «Также и разбойники, распятые с Ним, поносили Его», где хула вкладывается в уста обоим, а не одному⁷⁴.

[7] Анадиплосис — это когда следующий стих начинается с того же слова, каким закончился предыдущий, например (Verg. Ecl. 8.55–56):

certent et cygnis ululae, sit Tityrus Orpheus,
Orpheus in silvis, inter delphinas Arion.
С лебедем спорит сова, — да станет Орфеем и Титир,
Титир — Орфеем в лесах, меж дельфинов — самим Арионом!

⁷³ В переводе Ошерова-Петровского силлепсис потерян: «в полой утробе громады / Тайно замкнувши отряд отборных бойцов снаряжённых».

⁷⁴ Возможное объяснение этого странного примера — использование в греческом источнике Исидора формы ед.ч. ὠνειδίζεν вместо мн.ч. ὠνειδίζον (‘поносили’: по-латыни у Исидора мн.ч. *improperabant* без каких-либо разночтений).

[8] Анафора — это повторение одного и того же слова в начале нескольких строк, например (Verg. Aen. 3.156–157):

nos te Dardania incensa tuaque arma secuti,
nos tumidum sub te permensi classibus aequor.
Мы пошли за тобой из сожжённого края дарданцев,
Мы на твоих кораблях измерили бурное море.

[9] Эпанафора — повторение одного и того же слова в начале каждой фразы внутри одного стиха, например (Verg. Aen. 7.759–760):

te nemus Angitiae, vitrea te Fucinus unda,
te liquidi flevere lacus.
Рощ Ангитийских листов ты, Фуцина стеклянной волной ты,
Влагой озёр оплакан ты был.

[10] Эпизевксис — удваивание слова в одной фразе, например (Verg. Aen. 4.660):

...sic sic iuvat ire per umbras.
...но так, так хочу умереть я⁷⁵.

[11] Эпаналепсис (epanalempsis) — повтор слова, стоящего в начале стиха, в конце этого же стиха, например (Juv. 14.139):

Crescit amor nummi quantum ipsa pecunia crescit.
Денег желанье сильнее, чем больше накоплено денег.

[12] Парономасия состоит в использовании почти одного и того же речения в разных значениях, например *Abire an obire te convenit?*, то есть «[что предпочтёшь], уйти в изгнание или отойти в мир иной?». [13] Схесис ономотон [σχέσις ὀνομάτων: ‘связь имён’] — это множество сопряженных имён, выстроившихся как на параде (quodam ambitu copulata), например (Lucr. 5.1192):

Nubila, nix, grando, procellae, fulmina, venti.
Солнце и тучи, и снег, и град, и молнии, и ветры.

⁷⁵ Ошеров-Петровский: «но умру желанною смертью».

[14] Паромей⁷⁶ — множество слов, начинающихся с одной и той же буквы, как такое вот место у Энния (Ann. 109):

O Tite tute Tati tibi tanta tyranne tulisti.
О Тит Татий тиран, тяготят тебя тяготы эти!

Вергилий же удачно умеряет эту фигуру, охватывая ею не весь стих, как Энний, но лишь начало, например (Verg. Aen. 1.295–296):

saeva sedens super arma, [et centum vinctus aenis,]
[Связана сотней узлов,] восседая на груди оружия,

а иногда и конец, например (Verg. Aen. 3.183):

sola mihi tales casus Cassandra canebat.
Мне лишь Кассандра одна предсказала превратности эти.

[15] Гомеоптот — это когда несколько имён употребляются в одном и том же падеже, например (Verg. Aen. 12.903–904):

sed neque currentem, sed nec cognoscit euntem,
tollentemque manu saxumque inmane moventem.
Но ни вперёд выходя, ни спасаясь бегством, ни камень
Тяжкий подняв и метнув, — себя не помнил несчастный.

[16] Гомеотелевтон (homoeon teleuton) — это когда несколько глаголов оканчиваются одинаковым образом, например (Cic. Catil. 2.1): *abiit, abcessit, evasit, erupit* [«ушёл, удалился, выехал, вырвался»]. [17] Полиптот — когда предложение разнообразится различными падежами, например (Pers. 3.83–84):

de nihilo nihilum, in nihilum nil posse reverti;
[Нельзя зародиться]
Из ничего ничему и в ничто ничему обратиться;

⁷⁶ Паромеон, греч. παρόμοιον, чаще παρομοίωσις ‘созвучие’, причём на греческой почве — скорее в окончаниях фраз или стихов, чем в их зачинах.

и ещё (Pers. 5.78–81)⁷⁷:

...[momento turbinis exit]
 Marcus Dama. папае! Marco spondente recusas
 [credere tu nummos? Marco sub iudice palles?]
 Marcus dixit, ita est. adsigna, Marce, tabellas.
 ...[и мигом тут обернётся]
 Марком твой Дама. Эге! [В займы ты дать мне] не хочешь,
 Если поручится Марк? [При Марке-судье ты бледнеешь?]
 Марк подтвердил, — так и есть. Засвидетельствуй, Марк, документы.

[18] Ирмос есть форма продолжаемой речи, до последнего удерживающей свой смысл (tenorem)⁷⁸, например (Verg. Aen. 1.159):

Est in secessu longo locus, insula portum,
 Место укромное есть, где гавань тихую создал,

и так далее. Отсюда фраза надолго затягивается вплоть до вот этого места (Verg. Aen. 1.165):

[desuper] horrentique atrum nemus imminet umbra.
 Тёмная роща её осеняет пугающей тенью.

[19] Полисинтетон — это предложение, сцеплённое множеством союзов, например (Verg. Georg. 3.344–345):

...tectumque, laremque,
 armaque, Amicleumque sanem.
 ...жилище, и лара
 И Амиклейского пса, и оружие.

[20] Диалитон или асиндетон [asyndeton: ἀσύνδετον] — это фигура, которая наоборот произносится без союзов, свободно и просто, например *Venimus, vidimus, placuit* [«пришли, увидели, понравилось»]. [21] Антитеза [antitheton: ἀντίθετον = ἀντίθεσις] — это где противоположности противопоставляются друг другу, сообщая красоту предложению, например (Ovid. Met. 1.19–20):

⁷⁷ В тексте Исидора полиптон расширен генитивом: *Marci Dama*.

⁷⁸ *Hirmos*, греч. εἰρμός ‘сплетение’, в Исидоровом толковании перекликается, но не совпадает, с одноимённой богослужебной формой.

arigida pugnabant calidis, humentia siccis,
mollia cum duris, sine pondere, habentia pondus.
Холод сражался с теплом, сражалась с влажностью сухость,
Битву с весомым вело невесомое, твёрдое с мягким.

[22] Гипаллага — это когда слова понимаются через обратное, например (Verg. Aen. 3.61):

...dare classibus Austros,
...судам запустить ветр⁷⁹,

хотя это корабли пускают по ветру, а не ветер по кораблям.

XXXVII. О ТРОПАХ. [1] Греческим именем тропов грамматики называют то, что на латынь переводится как ‘обороты речи’ (modi locutionum). Они движутся от собственного значения к подобному несобственному. Имена всех тропов перечислить трудно, но вот тринадцать рекомендованных к использованию Донатом⁸⁰.

[2] Метафора есть присвоение и перенесение (usurpata translatio) какого-либо слова, например когда мы говорим *fluctuare segetes* [‘волны’ о хлебах] или *gemmare vites* [‘россыпи’ о лозах], хотя в этих вещах нам не найти ни волн, ни самоцветов, каковые перенесены в эти выражения откуда-то ещё. Но метафора и другие тропические обороты прикрываются фигурными покровами, загораживая то, что требуется понять, дабы наострять разумение читателя, а не опошлять эти вещи в наготе и неприкрытости.

[3] Есть четыре разновидности метафор: от одушевлённого к одушевлённому, например (Anon. fr. 6 Courtney):

Aligeros conscendit equos.
Он оседлал коней крылатых.

Четвероногое тут метафорически смешивается с крылами птиц, а здесь (Verg. Ecl. 6.80):

⁷⁹ Ошеров-Петровский: «с ветром умчаться».

⁸⁰ См. GL 4.399–402.

quo cursu deserta petiverit...
Вспомнил о бегстве её...⁸¹

полёт птицы смешивается с бегом четвероногого. От неодушевлённого к неодушевлённому, например (Anon. fr. 4 Courtnay):

Pontum pinus arat, sulcum premit alta carina
Пашет пучину весло, бороздú киль глубокий взрезает.

Тут воздвельвание земли (*usum terrae*) смешивается с морем, так как пахать и взрезать борозду относится к земле, а не к морю. [4] От неодушевлённого к одушевлённому, например *florida iuventus* [‘цветущая юность’]: неодушевлённые цветы смешиваются с юностью, у которой есть душа. От одушевлённого к неодушевлённому, например (Anon. fr. 5 Courtnay, ap. August. De doct. chr. 3.7.11):

Tu, Neptune pater, cui tempora cana crepanti
cincta salo resonant, magnus cui perpete mento
profluit Oceanus, et flumina crinibus errant.
Отче Нептун, чьи увиты солёною пеной, седые
Шумны, как волны, виски, у кого бородой бесконечной
Мощный течёт Океан, волосами же реки струятся.

Но борода, виски и волосы — всё это присуще людям, а не Океану. [5] Так и другие имена вещей красоты ради изящнейше переносятся из одного рода в другой, дабы принарядить речь. Метафора бывает либо односторонняя, как *fluctuare segetes* [‘хлеба волнуются’] — нельзя сказать *segetare fluctus* [‘волны хлебуются’], — либо это антистрофа, то есть обоюдная метафора, например (Verg. Aen. 6.19) *remigium alarum* [‘веслище крыльев’, поэт. для взмахивающих, как вёсла, крыльев]. Ведь можно сказать и *alae navium* [‘крылья кораблей’], и *alarum remigia* [‘веслища крыльев’]. [6] Катахреза — это использование имени для чужеродной вещи. От метафоры она отличается тем, что та обогащает нечто имеющее имя, тогда как катахреза пользуется чужим за неимением собственного, например (Verg. Georg. 2.131):

⁸¹ Певец Силен о превращённой в ласточку Филомеле.

[*ipsa ingens*] arbos faciemque simillima lauro,
Дерево [то велико] и лицом так походит на лавры⁸²,

или (Verg. Aen. 5.156–158):

[*et nunc Pristis habet, nunc victam praeterit ingens*]
Centaurus; nunc una ambae iunctisque feruntur
frontibus, et longa sulcant vada salsa carina.
То «Кентавр» впереди, [то «Кит» его обгоняет
Мощный], то рядом они, лбами вровень мчатся, и вместе
Длинные кили судов бороздят солёную влагу⁸³,

поскольку лицо и лоб — это всё-таки черта животных и людей. Не применил поэт к кораблю этого имени [лоб], не оказалось бы у него подходящего слова для наименования этой части [т.е. корабельного носа].

[7] Металепсис [*metalempsis*: *μετάληψις*] есть троп указания последующего из предшествующего (Pers. 3.10–11):

[*iam liber et positis bicolor membrana capillis*]
inque manus cartae nodosaeque venit arundo.
[Вот уже книга в руке, лощёный двухцветный пергамент],
Свиток бумаги и с ней узловатый тростник для писанья⁸⁴.

‘Рукой’ здесь обозначены слова, ‘тростником’ — буквы.

[8] Метонимия — это переименование, перенесение от одного значения к другому близкому. Есть много её разновидностей. Либо содержимое указывает на содержащее, например *theatra plaudunt* [‘тетры рукоплещут’] или *prata mugiunt* [‘луга мычат’], хотя это люди рукоплещут, быки — мычат; либо, наоборот, содержащее — на содержимое, например (Verg. Aen. 2.311):

⁸² Пер. С.В. Шервинского: «и очень походит на лавры».

⁸³ Ошеров-Петровский: «рядом они бок о бок мчатся».

⁸⁴ В тексте Исидора строка начинается с *quaeve* ‘и этой (sc. бумаги)’ вместо *inque* ‘и в (sc. руке)’: судя по всему, он воспринимает *manus cartae* как ‘руку бумаги’, т.е. ‘почерк’ или ‘руку’ автора. Русский перевод Ф.А. Петровского с заменой «в руках» на «в руке».

...iam proximus ardet
 Ucalegon,
 горит жилище соседа
 Укалегона,

хотя не сам он горел, а дом его. [9] Так же изобретение [обозначается именем] изобретателя, например (Ter. Eun. 732):

...sine Cerere et Libero friget Venus.
 Без Вакха и Цереры стынет Венера⁸⁵,

или (Verg. Aen. 9.75–76):

...[piceum fert fumida lumen
 taeda et] commixtam Volcanus ad astra favillam.
 ...[смоляные дымные ветви]
 Бурно коптят, гонит к звёздам Вулкан искромётное пламя⁸⁶.

Под Церерой, изобретельницей зерна, поэт имеет в виду ‘хлеб’, под Вакхом, изобретшим лозу, — ‘вино’, под Венерой — ‘страсть’, под Вулканом — ‘огонь’. И, наоборот, изобретение может указывать на изобретателя, например (Pl. fr. 159 Lindsay = 38 Leo):

Vinum praesamur [nam hic deus praesens adest],
 Чтим мы вино, [ибо здесь присутствует бог],

говоря ‘вино’ вместо Вакха, который у греков считается его изобретателем.

[10] Так и результат (efficientem) [метонимически обозначают] его причиной (quod efficitur), например *pigrum frigus* [‘цепенящая стужа’], поскольку людей приводит в оцепенение, или *timor pallidus* [‘бледный ужас’], потому что заставляет людей бледнеть. И, наоборот, причину — результатом например (Verg. Aen. 5.817):

⁸⁵ Пер. А.В. Аргюшкова: «Без Вакха и Цереры и в Венере жару нет».

⁸⁶ Ошеров-Петровский: «Ярко пылают, до звёзд взметая искры и пламя».

iungit equos auri genitor spumantiaque addit
frena feris.

Впряг родитель коней в золотую упряжь, взнуздal их
Пенной уздой.

Поэт сказал ‘пенная узда’, хотя вообще-то не сама она брызжет пеной, а конь, которым правят при помощи узды, покрывает её пенными брызгами.

[11] Антономасия — это то, что ставится вместо имени, то есть замещает имя, например ‘Майей рожденный’ вместо ‘Меркурий’. Троп этот выводится трояким образом: от духа, например (Verg. Aen. 5.407):

Magnanimusque Anchisiades;
Великодушный Эней;

от тела, например (Verg. Aen. 3.619–620):

...ipse arduus, [altaque pulsat
sidera];
...Сам ростом огромен,
[Тянет до звёзд]⁸⁷;

от чего-то внешнего, например (Verg. Aen. 1.475):

infelix puer atque inpar congressus Achilli.
Отрок несчастный бежит от неравного боя с Ахиллом.

[12] Эпитет — нечто сверх имени [supra nomen: ἐπιθετον ‘добавка’]. Ведь он ставится перед собственно именем, например *alma Ceres* [‘благая Церера’] или (Verg. Georg. 1.470):

obsenique canes, inportunaeque volucres.
И зловещатели псы, и не вовремя вставшие птицы.

⁸⁷ Изменённый пер. Фета-Наргуевского: «Сам ростом хватает / Он до звёзд».

Разница между антономасией и эпитетом в том, что антономасия ставится вместо имени, а эпитета без имени быть не может. Двумя этими тропами мы либо хулим кого-то, либо описываем, либо хвалим.

[13] Синекдоха есть выражение (*concepcio*), при котором целое понимается из части или часть — из целого. Ею может указываться как род через вид, так и вид через род [но вид есть часть, а род — это целое]. Вот часть выводится из целого (*Verg. Aen.* 6.311–312):

quam multae glomerantur aves, ubi frigidus annus
pontum fugat [et terris immittit apricis].
Сбившись в стаи, летят к берегам, когда зимняя стужа
Гонит их за моря, [в края, согретые солнцем].

Ведь не целый же год студёный, а часть года, зима. Пример обратного — [выведения] целого из части (*Verg. Aen.* 2.256–257):

[litora nota petens], flammam cum regia puppis
extulerat.
[К берегу вновь знакомому шли]. И лишь только взметнула
Царская пламя корма⁸⁸.

Ведь тут не только корма, но и весь корабль, и не только корабль, но и все, кто на нём, и даже не все, а кто-то один взметнул [сигнальный] огонь.

[14] Ономатопоэзия — это имя, придуманное в подражание нечленораздельному звуку, как-то *stridor* [‘скрипенье’] дверных петель, *hinnitus* [‘ржание’] лошадей, *mugitus* [‘мычанье’] быков, *balatus* [‘блеянье’] овец. [15] Перифраза — описательное предложение (*circumlocutio*), когда одна вещь обозначается несколькими словами, например (*Verg. Aen.* 1.387–388):

...auras
vitales carpit.
Воздух живительный пьёшь.

⁸⁸ Ошеров-Петровский: «взметнулось / Пламя на царской корме».

Соединив слова, [поэт] обозначил только одно: ‘ты живёшь’. Этот троп двойственный: с одной стороны, он во всем блеске раскрывает правду, с другой — околичностью избегает непотребства. Раскрывает правду во всем блеске (Verg. Aen. 4.584; 9.459):

Et iam prima novo spargebat lumine terras
Tithoni croceum linquens Aurora cubile.
Вот и Аврора, восстав с шафранного ложа Тифона,
Зарево первых лучей пролила на земные просторы,

Он хочет сказать *iam luciscebat* [‘уже рассвело’] или *dies ortus erat* [‘день настал’]. А вот как околичностью избегает непотребства (Verg. Aen. 8.405–406):

[optatos dedit amplexus] placidumque petivit
coniugis infusus gremio [per membra soporem].
[Ласкам желанным Вулкан] предался, и мирной [дремотой
Он опочил], поникнув на грудь супруги прекрасной⁸⁹.

Избегая непристойности при помощи этого иносказания, он показывает совокупление пристойно.

[16] Гипербат — это перестановка [transcensio: ὑπέρβατον], когда меняется порядок слов либо предложений. Существует пять его видов: анастрофа, гистерон протерон, парентесис, тмесис, синтесис. Анастрофа — это обратный порядок слов, например *litora circum* [‘берегов кругом’] вместо *circum litora* [‘кругом берегов’]. [17] Гистерон протерон — предложение с изменённым порядком [слов], например (Verg. Aen. 3.662):

postquam altos tetigit fluctus, et ad aequora venit.
Как до глубоких он волн подошёл и к самому морю⁹⁰.

Ведь сначала он [Циклоп] спустился к воде, а потом уже достиг глубокого места. [18] Парентесис — это когда вставленное нами

⁸⁹ У Исидора с *petivit* ‘захотел’ связано *placitum* ‘удовольствие’ вместо *placidum* ‘мирная’ (sc. дремота).

⁹⁰ Пер. А.А. Фета под ред. Д.И. Нагуевского.

предложение, будучи изъятым из середины высказывания, не нарушает его целостности, например (Verg. Aen. 1.643–644):

Aeneas (neque enim patrius consistere mentem
passus amor) rapidum ad naves praemittit Achaten.
Тотчас Эней (ведь в сердце отца не знает покоя
К сыну любовь) проворного тут посылает Ахата.

[Ведь по порядку так: «Тотчас Эней проворного тут посылает Ахата».] А то, что в середине, — это парентесис. [19] Тмесис есть рассечение одного слова вставкой других слов, например (Verg. Aen. 1.412):

[et] multum nebulae circum dea fudit amictum,
Облака плотный покров вокруг них сгустила богиня,

вместо *circumfudit* [‘вкруг сгустила’]. [20] Синтесис — это когда слова надёрганы отовсюду и перемешаны, например (Verg. Aen. 2.348–353):

...iuvenes, fortissima frustra
pectora, si vobis audendi extrema cupido
certa sequi, quae sit rebus fortuna videtis:
excessere omnes adytis arisque relictis
di, quibus inperium hoc steterat; succurritis urbi
incensae. moriamur et in media arma ruamus.

...О юноши, тщетно пылают
Храбростью ваши сердца! Вы готовы идти, не колеблясь,
С тем, кто решился на все, — но исход вам известен заране!
Все отсюда ушли, алтари и храмы покинув,
Боги, чьей волей всегда держава наша стояла.
Что же! Погибнем в бою, но горящему граду поможем!

Порядок тут таков: *Iuvenes fortissima pectora, frustra succurritis urbi incensae, quia excesserunt dii. Vnde si vobis cupido certa est me sequi audentem extrema, ruamus in media arma et moriamur* [«О юноши, пылают храбростью ваши сердца! Тщетно горящему граду спешите помочь, ибо боги ушли. И если готовы идти, не колеблясь,

с тем, кто решился на всё, головы сложим в бою и погибнем!»]. [21] Гипербола означает величие на грани и за гранью вероятия, например (Verg. Aen. 3.423):

...sidera verberat unda;
...звёзды струями хлещет [Харибда];

или (Verg. Aen. 1.106–107):

[Hi summo in flucta pendent; unda dehiscens]
terram inter fluctus aperit.
[Те на вершине висят волны; тем вал, разверзаясь],
Землю вскрывает меж волн⁹¹.

Таким образом нечто выходит за грань вероятия, однако не отклоняясь от пути передачи истины, пусть даже слова и превосходят то, на что указывают: выглядит это произволом говорящего — но не лгущего⁹². Этим тропом нечто может не только преувеличиваться, но и преуменьшаться. Преувеличивается: *velocior Euro* [‘быстреей Эвра’]; преуменьшается: *mollior pluma* [‘мягче пуха’], *durior saxo* [‘твёрже камня’]⁹³.

[22] Аллегория есть иносказание. Звучит одно, а подразумевается другое, например (Verg. Aen. 1.184–185):

...tris litore cervos
prospicit errantis.
Но над морем, — заметил он, — бродят
Три оленя больших.

Здесь подразумеваются три вождя Пунической войны, или три Пунические войны. Или в *Буколиках* (Verg. Ecl. 3.71):

⁹¹ Пер. А.А. Фета под ред. Д.И. Нагуевского.

⁹² Ut voluntas loquentis, non fallentis appareat. Ср. Quint. Inst. 8.6.76–77: Monere satis est mentiri hyperbolen nec ita, ut mendacio fallere velit («Достаточно обратиться внимание, что гипербола лжёт — но без желания лгать»).

⁹³ Почему «твёрже камня» — преуменьшение? Возможно, потому, что сравнение это у латинских поэтов появляется в *негативном* контексте — для описания жестокосердной Анаксареты, отвергнувшей любовь Ифиса (Ovid. Met. 14.712–713), или в обращении Геракла к своей гибели (Sen. Her. Oet. 1272).

aurea mala decem misi,
Яблок десяток послал золотых,

то есть послал Августу десять пастушеских эклог. Есть много видов этого тропа, среди которых выделяются семь: ирония, антифрасис, загадка, хариентисм, паремия, сарказм и астисм.

[23] Ирония есть высказывание, где произношением даётся указание на противоположный смысл. Этим тропом остроумно обвиняется либо осмеивается нечто, например (Verg. Aen. 1.140–141):

vestras, Eure, domos; illa se iactet in aula
Aeolus, et clauso ventorum carcere regnet.
Ваши, Эвр, домá. Так пусть о дворе печётся
И над темницей ветров Эол господствует прочной.

Какой же двор, если это темница? Ответ в произношении: ‘темница’ — [обычное] произнесение, ‘печётся’ и ‘двор’ — ирония; всё вместе благодаря различиям в произношении выражается посредством иронии, которая высмеивает, восхваляя.

[24] Антифрасис — это выражение (*sermo*), которое следует понимать от обратного, например *lucus* [‘лес’], поскольку тут недостаёт света (*lucem*) из-за густой тени листвы; или *manes* [‘маны’], то есть ‘кроткие’, хотя они суровы, и ‘скромные’, когда они ужасны и свирепы (*inmanes*); или *Parcae* и *Eumenides* [Εὐμενίδες: ‘Благосклонные’] — а ведь Фурии никого не щадят (*parcant*), никому не благодетельствуют. С использованием этого тропа и карликов называют ‘Атлантами’, и слепцов — ‘зрячими’, и, в просторечье, Эфиопов — ‘серебристыми’⁹⁴. [25] Различие между иронией и антифрасисом в том, что ирония только произношением указывает на подразумеваемое, например когда мы говорим человеку, который всё делает плохо: «Хорошо же ты это делаешь!»; антифрасис же обозначает противоположное не голосом произносящего, но только самими словами, у которых начала противоположны.

⁹⁴ Hieron. Ep. 30 (100): et lucus ideo dicatur, quod minime luceat, et Parcae ab eo, quod nequaquam parcant, et Eumenides Furiae et vulgo Aethiopes vocentur argentei.

[26] Загадка (aenigma) есть тёмный вопрос, который трудно разгадать, если не покопаться, как, например, такой (Суд 14:14): «Из ядущего вышло ядомое, и из сильного вышло сладкое», что означает мёд, извлечённый из пасти льва. Разница между аллегорией и загадкой вот в чём: аллегория двойка и под видом одной вещи образно указывает на другую; в загадке же просто смысл тёмнен и только намечен теми или иными образами.

[27] Хариентизм — это такой троп, когда нечто тягостное высказывается в приятной форме, например на вопрос «нас кто-нибудь искал?» нам отвечают: «ваше счастье», из чего можно понять, что никто. [28] Паремия есть пословица, подходящая к тем или иным вещам и ситуациям. К вещам, например, такая: *Contra stimulum calces* [‘прёшь на рожон’], подразумевая сопротивление неудачам. К ситуациям: *Lupus in fabula* [‘лёгкок на помине’, букв. ‘волк в басне’]. Как рассказывают крестьяне, человек теряет дар речи, если увидит перед собой волка. Так что эту же пословицу говорят и тому, кто внезапно умолкает: *Lupus in fabula* [‘словно привидение увидал’]. [29] Сарказм — это неприязненная насмешка, исполненная язвительности, например (Verg. Aen. 2.547–549):

[cui Pyrrhus]: ‘referes ergo haec, et nuntius ibis
Pelidae genitori; illi mea tristia facta
degeneremque Neoptolemum narrare memento’.

[Пирр отвечал]: «Так ступай, и вестником будь, и поведай
Это Пелиду-отцу. О моих печальных деяньях
Все рассказать не забудь и о выродке Неоптолеме».

[30] Противоположность этому астисм — вежливость без запальчивости, например (Verg. Ecl. 3.90–91):

Qui Bavium non odit, amet tua carmina, Maevi,
atque idem iungat vulpes et mulgeat hircos.

Бавия кто не отверг, пусть любит и Мевия песни, —
Пусть козлов он доит и в плуг лисиц запрягает.

То есть: кто не отверг Бавия, пусть в наказание любит и Мевия. А Мевий и Бавий были посредственными поэтами и недругами

Вергилия. И кто питает к ним любовь, тот совершает нечто противоестественное, вроде как в плуг запрягает лисиц и доит козлов. [31] Гомеосис на латынь переводится как уподобление [similitudo: ὁμοίωσις]: с его помощью описание какой-то менее известной вещи проясняется более известной, которая ей подобна. Есть три вида этого тропа: икона, парабола и парадигма, то есть образ, сравнение и пример. [32] Икона [icon: εἰκών] есть образ, с помощью которого мы пытаемся выразить облик вещи исходя из вещи подобного рода, например (Verg. Aen. 4.558–559):

omnia Mercurio similis, vocemque coloremque
et crines flavos et membra decora iuventa.
Всем с Меркурием схож: лицо, румянец и голос
Те же, и светлых кудрей волна, и цветущая юность.

Таким образом, сходство в отношении внешности соответствует тому, чью личность представляет поэт. [33] Парабола — это сравнение, исходящее от несходных вещей, например (Luc. 1.205–207):

...sicut squalentibus arvis
aestiferae Libyae visus leo comminus hostem
subsedit.
...Так в знойной пустыне Ливийской
Лев, приметивши вдруг врага у себя по соседству,
Весь припадает к земле.

Здесь поэт сравнил Цезаря со львом, выстраивая уподобление не из его же рода, но из чужого. [34] Парадигма [paradigma: παράδειγμα ‘образец’] — это пример сказанного либо сделанного кем-то, или нечто подходящее для вещи, которую мы описываем исходя из подобного либо неподобного рода, например: «Столь же отважно встретил смерть под Гиппоном Сципион, как под Утикой — Катон».

[35] Сравнение (similitudo) может быть трёх разновидностей: от равного, от большего, от меньшего. Пример от равного (Verg. Aen. 1.148–149):

ac veluti magno in populo cum saepe coorta est
seditio.

Так иногда начинается вдруг в толпе многолюдной
Бунт.

От большего к меньшему (Luc. 1.151):

qualiter expressum ventis per nubila fulmen.

Так, порождение бурь, сверкает молния в тучах.

От меньшего к большему (Verg. Aen. 6.119–620):

si potuit manes arcessere coniugis Orpheus,

Threicia fretus cithara fidibusque canoris,

Некогда маны жены повел Орфей за собою,

Сильный фракийской своей кифарой и струн благозвучьем,

словно имея в виду — [сильный] малой и ничтожной вещицей;
иными словами, если он силен кифарой, то я — благочестьем.

XXXVIII. О ПРОЗЕ⁹⁵. [1] Проза есть протяжённая речь, не связанная метрическим законом. Древние называли прозу протяжённой и прямой (rectus). Вот и Варрон утверждает, что в выражении *prosis lectis* [‘отборной прозой’ или ‘читая прозой’] у Плавта обозначена ‘прямота’; потому речь исправная, не согнутая ритмом и называется прозою, коль скоро протягивается по прямой. Другие утверждают, что прозой называется, поскольку расточительна (*profusa*), или потому что рвётся вперёд (*proguaat*) и растекается, не зная никакого предустановленного предела. [2] Кроме того, и у греков, и у латинян занятие поэзией намного древнее занятия прозой. Всё прежде слагалось стихами, интерес же к прозе расцвёл позднее. Среди греков первым записал несвязанную речь Ферекид Сиросский; у римлян первым был Аппий Слепой, сложивший несвязанную речь против Пирра. С тех пор создавались и другие образчики прозаического красноречия.

⁹⁵ Текст главы идентифицируется как фрагмент одной из работ Варрона (Gram. fr. 93 Traglia = 319 Funaioli). Приводится абсолютно верная этимология слова *prōsa* (sc. *ōrātiō*): *prō(u)orsus* > *prōrsus* > *prō(s)sus* ‘прямой’ (EM s.v. *prōrsus*).

XXXIX. О МЕТРАХ. [1] Метры называются так потому, что определяются известными размерами и промежутками стоп и не выходят за установленную меру длительностей. Ведь по-гречески размер называется *μέτρον*. [2] Стихи так названы потому, что выстраиваются по порядку стоп и удерживаются в определённых границах сочленениями (*articulos*), именуемыми цезурами (*caesa*) и членами. И чтобы не тянулись дольше, чем может вынести вкус, разум установил черту (*modum*), от которой они поворачивают: потому и зовутся стихами (*versus*), что поворачивают (*revertitur*). [3] Сюда же относится ритм, каковой не удерживается в определённых границах, но всё же разумно пробегает по упорядоченным стопам; латиняне зовут его не иначе, как числом (*numerus*), о чём следующее (*Verg. Ecl. 9.45*):

Numeros memini, si verba tenerem.

Я знаю тот ритм, — слова бы припомнить!

[4] Песней [*carmen*: ‘песня, поэма’] называется всё, что уложено в стопы. Считается, что имя ей дано либо оттого, что произносится урывками (*carptim*) — отсюда и сегодня мы называем очистку шерсти, при которой та рвётся на части, *carminare* [‘чесанием’], — либо потому что певцы этих песен почитались умалишёнными (*carere mentem*).

[5] Размеры получают свои названия по стопам, по описываемым предметам, по изобретателям, приверженцам (*frequentatoribus*), по числу слогов. По стопам прозываются такие размеры, как дактилический, ямбический, трохаический. [6] От трохея родился трохаический размер, от дактиля дактилический, и прочие так же, каждый от своей стопы. По числу — такие как гексаметр, пентаметр, триметр. Так, стих сенарий мы именуем по числу стоп. Греки же, отсчитывая двойные стопы, называют его триметром. Передают, что первым латинские гексаметры создал Энный; их же называют ‘длинными’ стихами. [7] По изобретателям названы такие размеры, как анакреонтов, сапфический, архилохов. Анакреонтов размер создал Анакреонт; сапфический —

женщина Сапфо; архилоховым писал некто Архилох; колофонские разрабатывались неким колофонцем. Открывателем сотадиических стихов был Сотад, родом критянин⁹⁶. Симонидовы же размеры создал лирический поэт Симонид.

[8] По приверженцам — например, асклеиадовы. Ведь не Асклеиад их изобрёл, а названы так потому, что он их применял с наибольшим изяществом [и постоянно к ним обращался]. [9] По описываемым предметам — такие как героический, элегический, буколический. Героической песней называется такая, в которой повествуется о деяниях и свершениях сильных мужей. Ведь героями прозываются мужи как бы окрылённые (аегіи) и достойные неба за свою мудрость и стойкость. Этот размер⁹⁷ авторитетом превосходит все прочие; один из всех он годится как для вещей великих, так и для малых, равно не чужд прелести и приятности.

[10] За таковые достоинства он единственный получил имя, коль скоро прозывается 'героическим', чтобы увековечивать героические деяния. Превосходит он прочие и простотою, ибо состоит из двух стоп, дактиля и спондея, а часто и полностью из того либо другого; впрочем, наиболее размеренный выстраивается как смесь обоих стоп, а не из единственной.

[11] Он первый среди всех размеров. Задолго до Ферекида и Гомера, впервые, как доказано, Моисей пропел им песнь Второзакония (Втор 32–33). Отсюда явствует, что занятия поэзией среди евреев

⁹⁶ Трудно сказать, что здесь подразумевается под Colophonіа и «Колофонцем»: список знаменитых поэтов из этого богатого на таланты ионийского города возглавляет элегик Мимнерм (fl. ок. 630–600), если не сам Гомер. О Сотаде (Σωτάδης, родом скорее из фракийской Маронеи, чем с Крита, 3 в. до н.э.) нам известно из Плутарха, Афиней, Суды и, главное, Гестияона, описывающего его размер (Σωτάδειον) как «выдающийся образчик брахикатаlecticеского тетраметра» (Ench. 36.6–7 Consbruch). Возможно, в источнике Исидора имелись в виду не метрические особенности колофонского и сотадиического стихов, а жанровые — соответственно, дидактизм (ср. Никандра Колофонского, 2 в. до н.э.) и непристойная сатира на сильных мира сего, за которую Сотад поплатился головой. Ср., впрочем, упоминания «сотадиического метра» в несомненно знакомой Исидору поэме Теренциана Мавра (1509–1510, 2838; GL 6.370, 409).

⁹⁷ Т.е. дактилический гексаметр.

древнее в сравнении с язычниками, вот и Иов во времена Моисея обратился к подобию гексаметра, чередуя дактиль и спондей⁹⁸.

[12] Среди греков, как передают, первооткрывателем его был Ахатесий Милетский⁹⁹, а по мнению других — Ферекид Сиросский. До Гомера этот размер назывался пифийским, а уже после Гомера получил имя героического. [13] Пифийским же, как уверяют, прозван был потому, что такого рода размером слагались оракулы Аполлона. Ведь когда на Парнасе, мстя за мать, Аполлон настиг стрелой змея Пифона, обитатели Дельф ободряли его этим самым размером, приговаривая, по словам Теренциана, ἰὴ παιάν, ἰὴ παιάν¹⁰⁰.

[14] ‘Элегический’ [метр] называется так потому, что его модуляция подходит для печальных песен. Теренциан (1799–1800; GL 6.379):

hos elegos dixere, solet quod clausula talis
tristibus, ut tradunt, aptior esse modis.

Стих элегический так называют: строкой заключенья
Грустным, как говорят, лучше подходит ладам.

[15] Едва ли вообще можно с уверенностью утверждать, кем он изобретён, разве что у нас его первым точно использовал Энний. А у греков до сих пор тянется тяжба по этому делу, и каждый судья решает по-своему. Иные полагают его изобретателем и зачинателем какого-то колофонца, иные — Архилоха.

[16] Поэзию буколическую, то есть пастушескую, по мнению многих впервые начали слагать пастухи из Сиракуз, хотя некоторые

⁹⁸ Ср. гебраистические находки Иеронима в Praef. in Librum Job (Migne PL 28.1140): A principio itaque voluminis, usque ad verba Job, apud Hebraeos prosa oratio est. Porro a verbis Job, in quibus ait, *Pereat dies in qua natus suum, et nox, in qua dictum est, conceptus est homo*, usque ad eum locum ubi ante finem voluminis scriptum est: *Idcirco ipse me reprehendo, et ago poenitentiam in favilla ei cinere: hexametri versus sunt, dactylo spondaeoque currentes: et propter linguae idioma, crebro recipientes et alios pedes, non earumdem syllabaram, sed eorumdem temporum, etc.*

⁹⁹ Т.е. Гекатей Милетский (Εκαταίος, ок. 550 – ок. 476).

¹⁰⁰ Maur. 1586–1596; GL 6.373.

указывают на Лакедемон. Ведь случилось, что Ксеркс, царь персов, переправился во Фракию, и спартанские девы из страха перед врагом не вышли из города и не справили по обычаю торжества с деревенскими хороводами в честь Дианы, и тогда толпа пастухов, дабы не пропускать обряда, отпраздновала его своими безыскусными песнями. Называются они по большей части буколическими, хотя в них содержатся речи и напевы овчаров и козопасов¹⁰¹. [17] Первый гимн, как очевидно, сочинил во славу Господа и пропел Давид-пророк. Среди язычников первой создала гимн в честь Аполлона и Муз Меммия Тимотоя¹⁰², и было это во времена Эния, много спустя после Давида. В переводе с греческого на латынь гимны [hymni: ὕμνοι] означают 'хвалы' (laudes). [18] Эпиталамии — это свадебные песни, которые люди учёные (scholastici) распевают в честь жениха и невесты. Первую песнь такого рода сочинил Соломон во славу Церкви и Христа. Отсюда язычники заимствовали эпиталамий и усвоили такого рода песни. Поначалу этот род исполнялся язычниками на сцене, после он удержался только на свадьбах. А называется эпиталамием потому, что распевался в брачных покоях [thalamus: θάλαμος]. [19] Первый трен [trenos: θρήνος], который по-латыни мы называем 'плачем' (lamentum), составил в стихах Иеремия, оплакивая [разорённый] Иерусалим и народ [Израиля], когда тот [подвергся разорению] и был уведён в плен. После него у греков [первым был] лирический поэт Симонид. Применялись для похорон и оплакиваний, как и теперь. [20] Эпитафия по-гречески [ἐπιτάφιος], по-латыни — 'надгробная' (supra tumulum): это посмертная надпись (titulus mortuorum), слагаемая на усупение тех, кто ныне почил. А пишут в ней о жизни, нравах и возрасте усуп-

¹⁰¹ Греч. βουκόλος означает прежде всего 'волопаса, пастуха коров', хотя, как и отмечает здесь Исидор, герои буколической поэзии — это прежде всего пастухи овец и коз.

¹⁰² Memmia Timothoe: одна из Исидоровых загадок. Атилиий Фортунатиан (GL 6.284) упоминает в похожем контексте некую Фемоною (Phemonoe), а больше об этом персонаже ничего не известно — остаётся лишь след за Гриалям многообещающе отмахнуться: qua de re amplius quaerendum.

ших. [21] Греческим именем ‘поэсис’ [poesis: ποίησις] называется произведение, состоящее из множества книг, идиллией — из немногих стихов, дистихом — из двух, моностихом — из одного. [22] Эпиграмма — это начертание (titulus), на латынь переводится как ‘надпись’: ведь по-гречески ἐπί- — ‘над’, а γράμμα — ‘буква’, или ‘запись’. [23] Эпод — это краткий заключительный стих (clausula) в поэме. Эподом называется потому, что принадлежит к разновидности элегии, где более длинные стихи чередуются с более короткими, так что меньшие, следуя по одному за каждым большим, как бы откликаются припевом заключений (clausulae). [24] ‘Заключениями’ лирические поэты называют стихи как бы урезанные в сравнении с цельными, как у Горация (Hor. Epod. 2.1):

Beatus ille, qui procul negotiis,
Блажен лишь тот, кто, суеты не ведая,

а дальше следует урезанный:

ut prisca gens mortalium;
Как первобытный род людской¹⁰³;

так же и далее чередуются через один стихи, у которых недостаёт некоторой части, притом сами подобны предшествующим, только короче¹⁰⁴.

[25] Центонами у грамматиков принято называть произведения, в которых сшиваются в единое тело собственного творения уже существующие строки, надёрганные из песен Гомера либо Вергилия на манер множества лоскутов (more centonario) исходя из возможностей материала. [26] Например, Проба, жена Адельфа, из обильных выдержек из Вергилия сложила центон о мироустройении и евангелиях, составив материал в соответствии со стихами

¹⁰³ Пер. А.П. Семёнова-Тян-Шанского.

¹⁰⁴ Горациевы эподы — это ямбические двустишия с чередованием триметров и диметров. Ἐπόδος, собственно, и означал изначально укороченный стих — ‘припев’ (clausula): лишь впоследствии так стали называть стихотворение такого рода в целом.

и выправив стихи согласно материалу. Так и некий Помпоний, черпая из того же поэта, преобразил на досуге под пером своим, среди прочего, «Титира» [т.е. «Буколики»], в славословие Христу; так же из «Энеиды»¹⁰⁵.

XL. О СКАЗКАХ. [1] Сказки (*fabula*) называются так поэтами от сказывания (*a fando*), ибо это не реальные вещи, а лишь нечто вымышленное и рассказанное. Преподносятся они затем, чтобы в разговорах вымышленных бессловесных животных можно было распознать некий образ человеческой жизни. Как передают, первооткрывателем их был Алкмеон из Кротона, а ‘эзоповскими’ прозываются потому, что среди фригийцев Эзоп особенно ценился как их автор. [2] Сказки бывают эзоповские либо ливийские (*Libysticae*). Эзоповские — это вымысел о беседующих между собою бессловесных животных или каких-нибудь неодушевленных вещах, вроде городов, деревьев, гор, камней, рек. Ливийские — вымысел о словесном общении людей со зверями, или зверей с людьми. [3] Некоторые сказки придумываются поэтами ради развлечения, некоторые толкуют о природе вещей, другие — о людских нравах. Придуманые ради развлечения — это те, что рассказываются среди простого народа, а также и те, что сочинены Плавтом и Теренцием. [4] О природе вещей толкует, например, сказка о «Хромом Вулкане» — ведь по природе огонь никогда не бывает прямым, — или тот троевидный зверь (*Lucr. 5.903*):

prima leo, postrema draco, media ipsa Chimaera,
Спереди лев, позади дракон, посередине Химера,

то есть серна [*саргеа: χίμαιρα*] — этим хотят показать различие трёх возрастов человека: сперва юность, необузданная и неукротимая, как лев; середина жизни, самое ясное время, изображается серной, потому что у той самое острое зрение; затем старость, согбенная грузом забот (*casibus inflectis*), дракон. [5] Так же и сказка о

¹⁰⁵ Фальтония Бетиция Проба (ок. 306/315 – ок. 353/366), жена Клодия Цельсина Адельфа, префекта Рима в 351 году, — автор произведения, позже названного *Cento vergilianus de laudibus Christi* (у Исидора: *De fabrica mundi et evangelii*). О Помпонии (*Pomponius, v.l. Pompinus*) больше ничего не известно.

гиппокентавре, то есть помеси человека с конём, придумана для изображения скоротечности человеческой жизни, ибо конь считается самым быстрым.

[6] О нравах — как у Горация мышь говорит с мышью и ласка с лисицей, чтобы с помощью вымышленного повествования передать жизненную правду. Вот и Эзоповы сказки имеют в виду изображение нравов, как и рассказ из Книги Судей (Суд 9:8) о деревьях, решивших поставить над собою царя и обратившихся к маслине и смоковнице и виноградной лозе и терновнику; всё это вымышлено для показа нравов, и имеются в виду реальные вещи — повесть вымышлена, но оказывается жизненной правдой.

[7] Так и оратор Демосфен использовал сказку против Филиппа, который потребовал от афинян выдать ему десятерых ораторов, и он удалится; и тогда Демосфен придумал ту сказку, чтобы разубедить сограждан — рассказал о волках, которые задумали как-то обмануть бдительность пастухов, предложив поладить и подружиться, но при условии, чтобы им законным путём выдали псов, в каковых коренилась причина раздоров: пастухи согласились и в надежде на безопасность выдали псов, в которых имели надежнейших сторожей своих овец. И когда не стало устрашения, волки разодрали всё поголовье тех стад, и не только насыщения ради, но и чисто для удовольствия. Вот и Филипп, утверждал он, требует вожаков народа, чтобы тем проще было поставить на колени лишившийся стражей город.

XLI. ОБ ИСТОРИИ. [1] История есть повествование о деяниях (*rei gestae*), из которого узнаётся то, что было совершено в прошлом. Ἱστορία — это по-гречески ἄλλο τοῦ ἱστορεῖν, то есть от 'видения' или 'разведывания'. В старину никто не писал историю, если сам не принимал участия в событиях, если сам не видел описываемого. Ведь мы лучше постигаем увиденное воочию, нежели узнаемое понаслышке. [2] Об увиденном повествуется без лжи (*sine mendacio*). Эта наука относится к грамматике, потому что всё достойное памяти запечатляется письменами. А памятниками истории зовутся потому, что предоставляют память о деяниях. Це-

почкой (*series*) же [история] зовётся по аналогии с гирляндами (*sertis*) переплетённых друг с другом цветов.

XLII. О ПЕРВЫХ АВТОРАХ ИСТОРИЙ. [1] Первым у нас написал историю, от начала мира, Моисей. У язычников же первым был Дарет Фригийский, составивший историю о греках и троянцах, которая была записана им, как сказывают, на пальмовых листьях. [2] После Дарета первым в Греции занялся историей Геродот. После него Ферекид, прославившийся во времена, когда Ездра записал Закон.

XLIII. О ПОЛЬЗЕ ИСТОРИИ. [1] Истории о язычниках не мешают желающим находить пользу в прочитанном. Ведь многие мудрецы заносили дела минувшие человечества в истории ради устроения и наставления ныне живущих. Затем, благодаря истории они постигают общий счёт всех истекших времён и лет; и немало необходимого исследуют в чередё консулов и царей.

XLIV. О РОДАХ ИСТОРИИ. [1] История — тройственный род. Эфемеридой называется хроника (*gestio*) одного дня. У нас это называется дневником (*diarium*). Ведь греки называют 'эфемеридой' [ἡμερίς] то, что по-латыни зовётся 'подённой' (*diurnum*). [2] Календари — это подробное описание каждого месяца. Летопись — дела отдельно взятых лет. [3] Всё достойное памяти в мирное время и на войне, на море и на суше — заносилось погодно в архивы (*commentariis*), и от череды сменяющихся лет получило имя летописей. [4] История охватывает множество лет или времён, её стараниями погодные записи заносятся в книги. Разница между историей и летописями вот в чём: история относится к тому времени, которое мы видели воочию, летописи — о тех летах, которые нам по возрасту знать не дано. Поэтому Саллюстий — это история, а Ливий, Евсевий и Иероним — смесь из летописей и истории. [5] Ещё есть разница между историей, сюжетом (*argumentum*) и сказкой. Истории — это достоверные, реально произошедшие вещи; сюжеты — вещи хотя и не произошедшие, но мо-

гушие произойти; сказки же — это то, что и не случилось и не может произойти, поскольку противно природе¹⁰⁶.

Издания и переводы «Этимологий»

- Гараджа 2004 — Исидор Севильский. Этимологии. Кн. I: О Грамматике / Пер. (сокр.) и прим. А.В. Гараджи // Труды РАШ. Вып. 2. М.: РГГУ, 2004. С. 365–392.
- Гараджа 2005 — Исидор Севильский. Этимологии. Кн. XVIII: О войне и играх / Пер. и прим. А.В. Гараджи // Труды РАШ. Вып. 3. М.: РГГУ, 2005. С. 462–493.
- Гараджа 2007 — Исидор Севильский. Этимологии. Кн. XV: О постройках и полях / Пер. и прим. А.В. Гараджи // Труды РАШ. Вып. 4/2. М.: РГГУ, 2007. С. 290–332.
- Гараджа 2008 — Исидор Севильский. Этимологии. Кн. VI: О книгах и церковных службах / Пер. и прим. А.В. Гараджи // Труды РАШ. Вып. 5. М.: РГГУ, 2008. С. 536–580.
- Гараджа 2015 — Исидор Севильский. Этимологии. Кн. VI: О церкви и сектах / Пер. и прим. А.В. Гараджи // Платоновские исследования. Вып. III (2015/2) / Под ред. И.А. Протопоповой и др. М.–СПб.: Платоновское философское общество; РГГУ; РХГА, 2015. С. 198–253.
- Харитонов 2006 — Исидор Севильский. Этимологии, или Начала. В 20 книгах. Кн. I–III: Семь свободных искусств / Пер., статья, прим. и указ. Л.А. Харитонова. СПб.: «Евразия», 2006.
- ALMA — Isidorus Hispalensis. *Etymologiae*. Paris: Les Belles Lettres, 1981– [Международный проект A.L.M.A — Auteurs Latins de Moyen Âge: уточнённый латинский текст с параллельным переводом на один из европейских языков (англ., исп., итал., фр.) и комментариями; вышли книги: II (1983), III (2009), VI (2012), VII (2012), IX (1984), XI (2010), XII (1986), XIII (2004), XIV (2011), XVI (2011), XVII (1981), XVIII (2007), XIX (1995), XX (2010).]

¹⁰⁶ Ср. Rhet. Her. 1.8.13, в частности определение: *Argumentum est ficta res, quae tamen fieri potuit, velut argumenta comoediarum*. И, конечно, о многозначности термина *argumentum* у Квинтилиана (Inst. 5.10.9) с таким выводом: *Quo apparet omnem ad scribendum destinatum materiam ita appellari*.

- Arévalo — S. Isidori Hispalensis episcopi Hispaniarum doctoris *Opera omnia* / Rec. Faustino Arévalo. T. 3–4. Roma: typis Antonio Fulgonio, 1798–1801.
- Lindsay — Isidori Hispalensis episcopi *Etymologiarum sive originum libri XX* / Rec. brevique adnotatione critica instruxit W.M. Lindsay. T. 1–2. Oxonii: e typographeo Clarendoniano, 1911.
- Barney & al. 2006 — *The Etymologies of Isidore of Seville* / Trans., with introd. and notes Stephen A. Barney, W.J. Lewis, J.A. Beach, Oliver Berghof, with the collab. of Muriel Hall. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Canale 2004 — *Etimologie, o Origini di Isidoro di Siviglia*. 2 voll. / A cura di Angelo Valastro Canale. Torino: Unione tipografico-editrice torinese, 2004.
- Oraz & Casquero — San Isidoro de Sevilla. *Etimologías* / Edición bilingüe. Texto latino, versión española y notas por José Oroz Reta y Manuel A. Marcos Casquero; introducción general por Manuel C. Díaz y Díaz. 2 vols. Madrid: La Editorial Católica, 1993–1994² [1982–1983¹].

Источники, словари, литература

- ДГ — Древнегреческо-русский словарь / И.Х. Дворецкий. Т. 1–2. Москва: Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1958.
- ДЛ — Латинско-русский словарь / И.Х. Дворецкий. Москва: «Русский язык», 1976.
- August. De doct. chr. — Augustinus. De doctrina christiana / ed. J. Martin // Augustinus. De doctrina christiana. De vera religione / ed. K.-D. Daur & J. Martin. CCSL 32 (1962). P. 1–167.
- August. De ord. — Augustinus. De ordine / ed. W.M. Green // Augustinus. Contra Academicos. De beata vita. De ordine. De magistro. De libero arbitrio / ed. W.M. Green & K.-D. Daur. CCSL 29 (1970). P. 87–137.
- August. Soliloq. — Augustinus. Soliloquia // Augustinus. Soliloquia. De immortalitate animae. De quantitate animae / ed. W. Hörmann. CSEL 89 (1986). P. 1–98.
- Don. Ter. Andr. — Aeli Donati quod fertur commentum Terenti / Rec. Paulus Wessner. Vol. 1. Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri, 1902. P. 35–261.
- Hieron. Ep. — Hieronymus. Epistulae / ed. I. Hilberg. Editio altera supplementis aucta. CSEL 55 [1–70], 55 [71–120], 56.1 [121–154] (1996²).
- Hieron. Praef. in Librum Job — Hieronymus. Praefatio in Librum Job // PL 28: coll. 1138–1142.
- Quint. Inst. — M. Fabi Quintiliani Institutiones oratoriae / ed. Ludwig Radermacher; addenda et corrigenda Vinzenz Buchheit. Leipzig: BSB B.G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1971².

- Rhet. Her. — Incerti auctoris de ratione dicendi Ad C. Herennium libri IV [M. Tulli Ciceronis Ad Herennium libri VII] / Edidit Fridericus Marx. Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri, 1894.
- Serv. In Aen. — Servii Grammatici qui feruntur in Vergilii carmina commentarii / recensuerunt Georgius Thilo et Hermannus Hagen [vol. 1: Aeneidos librorum I–V commentarii / rec. G. Thilo; vol. 2: Aeneidos librorum VI–XII commentarii / rec. G. Thilo]. Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri, 1881–1902.
- Tert. De fuga in pers. — Tertullianus. De fuga in persecutione / ed. J.J. Thierry // Tertullianus. Opera II: Opera montanistica / ed. A. Gerlo, E. Evans, A. Harnack, A. Kroymann, R. Willems, J.H. Waszink, J.G.P. Borleffs, A. Reifferscheid, G. Wissowa, E. Dekkers & J.J. Thierry. CCSL 2 (1954). P. 1135–1155.
- Beekes — Etymological Dictionary of Greek / By Robert Beekes, with the assistance by Lucien van Beek. Vols. 1–2. Brill, 2010.
- Cappelli — Lexicon abbreviaturarum. Dizionario di abbreviature latine ed italiane / per cura di Adriano Cappelli. Milano: Editore Ulrico Hoepli, 1990⁶.
- Conte — P. Vergilius Maro. Aeneis / Recensuit atque apparatu critico instruxit Gian Biagio Conte. Berolini et Novi Eboraci: Walter de Gruyter, 2009.
- Chantraine — Dictionnaire étymologique de la langue grecque / Par Pierre Chantraine. Vols. 1–2 [Supplément: 1999]. Paris: Klincksieck, 1968–1980.
- Consbruch — Hephæstionis Enchiridion cum Commentariis veteribus / edidit Maximilian Consbruch. Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri, 1906.
- Courtney — The Fragmentary Latin Poets / Edited with Commentary by Edward Courtney. Oxford; New York: Oxford University Press, 2003 [1993¹].
- CCSL — Corpus Christianorum, Series Latina. Turnhout: Brepols, 1953–.
- CSEL — Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. Berlin: Walter de Gruyter, etc., 1864–.
- Dressel 1874 — *Dressel, Henricus*. De Isidori Originum fontibus. Augustae Taurinorum: Vincentius Bona, Typotheta regius, 1874.
- Du Cange — Glossarium mediae et infimae latinitatis / Conditum a Carolo de Fresne domino Du Cange. T. 1–10. Niort: L. Favre, 1883–1887.
- EM — Dictionnaire étymologique de la langue latine / Par Alfred Ernout et Alfred Meillet. Paris: Klincksieck, 2001 [retirage de la 4e éd.].
- Fontaine 1959 — *Fontaine J.* Isidore de Séville et la culture classique dans l'Espagne wisigothique. T. 1–3. Paris: Études augustiniennes, 1959¹.
- Fontaine 1981 — Aux sources de la lexicographie médiévale: Isidore de Séville médiateur de l'étymologie antique // La Lexicographie du latin médiéval et ses rapports avec les recherches actuelles sur la civilisation du moyen-âge, Paris: Éditions du CNRS, 1981. P. 97–103.

- Fontaine 1988 — *Fontaine J.* Tradition et actualité chez Isidore de Séville. London: Variorum Reprints, 1988.
- Forcellini — *Lexicon totius Latinitatis / J. Facciolati, Aeg. Forcellini et J. Furlanetti Seminarii Patavini alumnorum cura, opera et studio lucubraturum nunc dedmum juxta opera R. Klotz, G. Freund, L. Doderlein aliorumque recentiorum auctius, emendatius melioremque in formam redactum curante doct. Francisco Corradini ejusdem Seminarii alumno [completata poi, anche con l'Onomasticon, da G. Perin]. Patavii: Typis Seminarii, 1864–1926⁴.*
- Frisk — *Griechisches etymologisches Wörterbuch / Von Hjalmar Frisk. Bde. 1–3. Heidelberg: Carl Winter, 1960–1972.*
- Funaioli — *Grammaticae Romanae Fragmenta / collegit recensuit Hyginus Funaioli. Vol. 1. Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri, 1907.*
- GL — *Grammatici Latini / ex recensione Henrici Keilii. Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri, 1857–1880 [7 vols. + Suppl. ex rec. H. Hageni].*
- Goetz, Schoell — *M. Terenti Varronis De Lingua Latina quae supersunt / Recensuerunt Georgius Goetz et Fridericus Schoell. Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri, 1910.*
- Gudeman 1922 — *Gudeman A. Kritische Zeichen // RE. Bd. XI [22. Halbband] (1922). S. 1916–1927.*
- Holtz 1981 — *Holtz, Louis.* Donat et la tradition de l'enseignement grammatical: Étude sur l'*Ars Donati* et sa diffusion (IVe–IXe siècle) et édition critique. Paris: CNRS, 1981.
- Jal — *Abrégés des livres de l'Histoire romaine de Tite-Live / Texte établi et traduit par Paul Jal. Vol. 34.1–2: Periochae transmises par les manuscrits et par le papyrus d'Oxyrhynchos. Paris: Les Belles Lettres, 1984.*
- LEW — *Lateinisches etymologisches Wörterbuch / Von A. Walde; 3., neubearb. Auflage von J.B. Hoffmann. Bde. 1–2. Heidelberg: Carl Winter, 1938–1954.*
- LSJ — *A Greek–English Lexicon / Compiled by H.G. Liddell and R. Scott. Revised and augmented throughout by Sir H.S. Jones, with the assistance of Roderick McKenzie, and with the co-operation of many scholars. Supplement edited by P.G.W. Glare. Oxford: Clarendon Press, 1996.*
- ML — *Romanisches etymologisches Wörterbuch / Von W. Meyer-Lübcke. Heidelberg: Carl Winter, 1935³.*
- OLD — *Oxford Latin Dictionary / Ed. P.G.W. Glare et al. Oxford: Clarendon Press, 1968.*
- Osann 1851 — *Anecdotum Romanum De Notis veterum criticis. Imprimis Aristarchi Homericis et Iliade Heliconia / edidit et commentariis illustravit Fridericus Osannus. Gissae: apud I. Rickerum, 1851.*

- PG — Patrologia Graeca / Éd. J.P. Migne. 166 tomes. Paris: Imprimerie Catholique, 1857–1866.
- PHI5 — Packard Humanities Institute CD-ROM #5.3 (Latin authors). 1991.
URL: <http://latin.packhum.org/index>
- PL — Patrologia Latina / Éd. J.P. Migne. 217 + 4 tomes. Paris: Imprimerie Catholique, 1844–1855, 1862–1865.
- Pokorny — Indogermanisches etymologisches Wörterbuch / Von Julius Pokorny. Bde. 1–2. Bern – München: Francke, 1947–1966¹.
- RE — Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart: J.B. Metzler (A. Druckenmüller), 1890–1968 (2000).
- Reifferscheid — C. Suetoni Tranquilli praeter Caesarum libros reliquiae / Edidit Augustus Reifferscheid. Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri, 1860.
- Skutsch — The Annals of Quintus Ennius / Edited with Introduction and Commentary by Otto Skutsch. Oxford: Clarendon Press, 1986² [1985¹].
- STLL — Roberti Stephani Thesaurus linguae Latinae / Nova cura rec. Antonius Birrus. T. 1–4. Basileae: typis E. & J.R. Thurnisiorum Fratr., 1740–1743.
- Traglia — Opere di Marco Terenzio Varrone / a cura di Antonio Traglia. Torino: Unione tipografico-editrice torinese, 1974¹.
- Traube 1920 — Vorlesungen und Abhandlungen / von Ludwig Traube herausgegeben von Franz Boll. Bd. 3: Kleine Schriften. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1920 [Bd. 1: 1909, Bd. 2: 1911].
- Vaan — Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages / By Michiel de Vaan. Brill, 2008.
- Vahlen — Ennianae Poesis Reliquiae / iteratis curis recensuit Iohannes Vahlen. Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri, 1903.
- Warmington — Remains of Old Latin / Newly edited and translated by E.H. Warmington. 3 vols. Vol. 2: Livius Andronicus, Naevius, Pacuvius and Accius. London: William Heinemann; Cambridge, MA: Harvard University Press, 1936. [Loeb Classical Library 314.]
- Weber 1903 — *Weber, Paul. Quaestionum Suetonianarum capita duo. Halis Saxonum: Typis Wischani et Burkhardti, 1903.*